ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ ДЕВЯНОСТО ПЯТЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 8 · 8

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО — ВОВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ГОРЬКИЙ И РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА НАЧАЛА XX ВЕКА

НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА

Ответственные редакторы
И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, Н. И. ДИКУШИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 8 · 8

ГОРЬКИЙ И ЖУРНАЛ «ЛЕТОПИСЬ»

ПЕРЕПИСКА С В. С. ВОЙТИНСКИМ

Вступительная статья, публикация и комментарии
Н. Н. Примочкиной

Переписка Горького с Войтинским охватывает сравнительно небольшой, но очень важный для духовного и творческого развития Горького отрезок времени (1914—1916). Она совпадает с тем периодом организационно-журналистской деятельности писателя, который привел его к созданию антивоенного журнала «Летопись». Изданием «Летописи» завершился дореволюционный этап журналистской деятельности Горького. Значительность переписки определяется ее большой публицистической насыщенностью. В письмах Войтинскому 1914 г. писатель высказал ряд самых заветных, глубоко выстраданных, подчас весьма горьких мыслей о состоянии русского общества в начальный период первой мировой войны, поделился своими опасениями и тревогами за судьбу России, за ее будущее, связанное, по его мнению, с «юными силами» рабочей демократии. Письма Горького 1915 г. интересны прежде всего тем, что в них он определял задачи журн. «Летопись», его идейно-политическую платформу, сообщал о тактике редакции в условиях военной цензуры.

Писатель, политический деятель, экономист Войтинский не принадлежал к числу друзей Горького, однако личность его, наделенная незаурядным общественным темпераментом и недюжинными литературными способностями, так же как его произведения, отразившие жизнь революционера-подпольщика, а затем политического каторжанина, не могли не вызвать к себе внимания пролетарского писателя. Следует особо отметить, что Горький привлек Войтинского к сотрудничеству в «Летописи» еще до ее выхода.

Владимир Савельевич Войтинский родился 12/24 ноября 1885 г. в Петербурге, в семье профессора математики Электротехнического института. Будучи еще гимназистом, увлекся экономикой и написал оригинальную научную работу «Рынок и цены; теория потребления и рыночных цен». Эту работу он послал для отзыва известному русскому экономисту профессору М. И. Туган-Барановскому. Познакомившись с ней, ученый подумал, что это труд неизвестного ему доцента, и был приятно удивлен, узнав, что автор — всего лишь гимназист. Туган-Барановский дал рекомендательное письмо к издателю и написал предисловие к книге, с которым она и вышла в 1906 г. в Петербурге.

Поскольку в то время экономические науки изучались вместе с правом, Войтинский по окончании гимназии в 1904 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета (в 1909 г. был исключен за неуплату денежных взносов за обучение). Молодой ученый начинает активно участвовать в общественной студенческой жизни, а в 1905 г. вступает в социал-демократическую партию и примыкает к большевикам. В период революции 1905—1907 гг. Войтинский вел партийную работу под кличкой «Сергей Петров», выступал в качестве агитатора на рабочих митингах, был инициатором, организатором и председателем Совета безработных, имевшего тесную связь с большевиками, в 1907 г. входил в Петербургский комитет социал-демократической партии. Талантливого организатора рабочего

движения вскоре заметил В. И. Ленин. Позже Войтинский вспоминал: «В большевистском центре царил безраздельно Ленин. Его непререкаемый авторитет основывался не только на его талантах и исключительной работоспособности, но главным образом на необычайной уверенности, с которой он решал все вопросы. Это не была самоуверенность доктринера, а нечто иное.

Никогда не замечал я у Ленина признаков „генеральства". Наоборот, в обращении с товарищами (особенно с рабочими) он был внимателен и прост. При появлении новых людей терпеливо слушал их, как бы ни были скучны их рассказы. Слушал он по-особому: склонив голову набок, наставив ухо, лукаво прищурившись, с выражением напряженной работы мысли (...)

Никто не умел так, как Ленин, угадать настроения рабочей массы и выразить их сжато, выпукло, хлестко» [1].

Однако, по признанию самого Войтинского, он никогда, даже в этот период наибольшего сближения с Лениным и ленинцами, «не чувствовал себя настоящим большевиком» [2].

В годы реакции после разгрома первой русской революции, когда стало ясно, что Войтинскому, уже не раз арестовывавшемуся, грозят долгие годы тюрьмы и каторги, Ленин посоветовал ему эмигрировать за границу, чтобы издавать там партийный журнал. Однако Войтинский не захотел оставлять Россию и по заданию партии поехал в Екатеринослав для работы в местной партийной организации. В 1908 г. он был арестован и попал в Екатеринославскую каторжную тюрьму, известную своим суровым режимом. Впечатления, почерпнутые в тюрьме, легли затем в основу многих рассказов и очерков писателя.

За принадлежность к социал-демократической партии суд приговорил Войтинского к четырем годам каторги. В 1910 г., находясь в Александровском каторжном централе около Иркутска, Войтинский начал писать полубеллетристические очерки о событиях революции 1905—1907 гг., о партийной работе среди рабочих и крестьян, об увиденном и пережитом в тюрьме и на каторге. Эти очерки печатались в журналах «Русское богатство», «Вестник Европы», «Наша заря», «Ежемесячный журнал», «Современник» и др. По свидетельству автора, он взялся за перо «ради памяти замученных в тюрьмах товарищей» [3]. Характерны сами названия очерков: «По этапу», «За железной решеткой», «О каторге» и т. д. Позже Войтинский вспоминал, как он начал работать на новом для себя поприще литератора: «У меня была внутренняя потребность использовать выгоды моего положения для разоблачения преступлений, свидетелем которых я был в Екатеринославе» [4].

В тюрьме Войтинский наблюдал за переживаниями и поведением приговоренных к смерти заключенных. Эти впечатления легли в основу его первого рассказа «Смертники», который был напечатан под псевдонимом «С» в журнале «Вестник Европы» (1910, № 7, 8), а затем под псевдонимом «А. Л.» издан отдельной книжкой за границей (Берлин, 1911). В очерке «Суд победителей», напечатанном со значительными цензурными купюрами в издаваемом Короленко «Русском богатстве» (1911, № 6/7), Войтинский разоблачал царское судопроизводство, описывал суд над шахтерами и железнодорожниками за их участие в декабрьском восстании 1905 г. Вслед затем он написал очерк «После взрыва» [5] о неудавшейся попытке побега из тюрьмы приговоренных к смертной казни политических заключенных. Она закончилась расстрелом ее участников, после чего в тюрьме воцарился террор над заключенными, сопровождавшийся их физическими истязаниями и зверскими избиениями. В *АГ* хранится письмо Короленко Войтинскому по поводу этого очерка. «„После взрыва",— писал Короленко 18 июня 1913 г.,— мы, после коллективного совещания в редакции, решили напечатать, но только считаем нужным вооружиться доказательствами на случай суда. То, что место действия не названо,— ничего не значит: всем, читающим газеты, сразу видно, в чем дело. Принять это за художественный вымысел невозможно, да и вымысел такого рода не имел бы никакой цены. Все значение этого очерка – обличительное, значит, необходима точность, определенность и доказательность фактов».

Вспоминая о тюрьме как о «царстве скорби и муки», где процветали «смерть в самых отвратительных ее формах, унижения, изощренное мучительство» [6], Вой-

ГОРЬКИЙ В РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ЛЕТОПИСЬ»
Фотография М. А. Шерлинга. Петроград, 1916
Музей Горького, Москва

тинский тем не менее неизменно подчеркивал мужество, душевное благородство, сплоченность своих товарищей, которые вызывали в нем чувство подлинного уважения, веру в жизнь, в себя, в окружающих людей. Весьма характерен в этом смысле рассказ «Призраки», где описание бесчеловечных условий тюремной жизни заканчивалось мажорной нотой: «Сквозь грязь падений, сквозь уныние и скорбь сверкали передо мной алмазные нити, связывающие людей и в муке спасающие жизнь» [7]. Стилистически эти рассказы были наиболее близки к прозе поздних народников с их склонностью к эмпирической описательности.

Яркость и плотность фактического материала, правдивость его подачи, неизменный оптимизм, вера в людей, их человеческое достоинство и мужество — черты, которые не могли не привлечь к этим произведениям внимания Горького. «...Мне очень нравятся Ваши рассказы»,— признавался он в письме к ссыльному писателю 1 октября 1914 г. (п. 3). Три больших очерка: «Смертники», «После взрыва» и

«За железной решеткой» — были изданы Войтинским отдельной книжкой под названием «Вне жизни. Очерки тюрьмы и каторги» (СПб., изд. В. С. Войтинского, 1914).

Выйдя после отбытия каторги в начале 1913 г. на поселение в Иркутск, Войтинский работал в кружке социал-демократии, читал лекции по политическим вопросам, вхóдил в местные общественные организации, вместе с ссыльными Н. А. Рожковым и Н. Ф. Чужаком издавал социал-демократические газеты «Новая Сибирь» и «Сибирское слово», а также продолжал активно сотрудничать в столичной народнической и социал-демократической прессе, в том числе и большевистской.

С обращением ссыльного писателя в большевистский журнал «Просвещение», литературно-критическим отделом которого руководил Горький, и связана предыстория их переписки.

В *АГ* хранится письмо Войтинского в редакцию «Просвещения» от 17 марта 1914 г., переданное, видимо, редакцией Горькому (поступило в *АГ* от И. А. Груздева):

«Ув⟨ажаемый⟩ тов⟨арищ⟩!

При сем пересылаю Вам рукопись с 4 стихотворениями тов⟨арища⟩ с⟨оциал⟩-д⟨емократа⟩, до сих пор почти не печатавшего своих произведений.

По-моему, эти стихотворения заслуживают напечатания, и вообще автор может стать для „Просвещения" весьма ценным постоянным сотрудником. У автора имеется много вещей и для „Пути правды"[8].

Напишите мне, пригодились ли стихи для „Просвещения" и высылать ли дальнейшие вещи для „П⟨ути⟩ пр⟨авды⟩".

С прив⟨етом⟩ Вл. Войтинский

17 марта, 1914 г.
Иркутск
Жандармская, 32».

Судьба стихов начинающего автора—социал-демократа, о котором идет речь в этом письме, неизвестна.

К предыстории переписки Горького с Войтинским относятся также события, связанные с попыткой последнего опубликовать в журнале «Просвещение» свой роман «Волны», посвященный изображению революции 1905 г.

Осенью 1913 г. Войтинский передал рукопись первой части романа в «Просвещение». Редакция переправила ее В. И. Ленину в Краков. В конце октября 1913 г. Ленин послал роман на отзыв проживавшему на Капри Горькому вместе со следующим письмом: «Дорогой Алексей Максимыч! Посылаю Вам сегодня заказной бандеролью начало романа, который идет в „*Просвещение*". Думаем, что Вы не против. Если же Вы, паче чаяния, против,— телеграфируйте в „Просвещение": „Войтинского отложите" или „роман Войт. *не пускайте*"»[9]. Ответ Горького не сохранился. Однако, судя по следующему письму Ленина от 1/14 или 2/15 ноября, писатель высказался против печатания романа. «Дорогой А. М.!— писал Ленин,— получил роман и Ваше письмо. По-моему, задержать роман, раз Вы *не за*. Прилагаю письмо Каменева, который читал роман (я еще не читал). Напишем в Питер, чтобы задержали»[10]. Как видим, Ленин не успел ознакомиться с рукописью и решение о ее судьбе предоставил Горькому. Вероятно, писателя не устраивала в этом произведении не его содержательная сторона, а недостатки формы: нецельность, нестройность, отсутствие необходимого художественного опыта у его автора. Через несколько лет Войтинский в письме к Горькому сам откровенно признавался, что «форма романа» оказалась для него «слишком трудной» (п. 11). Тем не менее в апрельской книжке журнала «Просвещение» за 1914 г. (№ 4) появился отрывок из романа «Волны» под заглавием «Луч света среди ночи», описывающий выступление агитатора-партийца Павла Мирского на заводском митинге. Его публикация вызвала репрессии со стороны властей: 4-й номер журнала был конфискован, а официальный редактор «Просвещения» В. Е. Соколов и сам автор привлечены к судебной ответственности.

Начало переписки Горького с Войтинским как раз и связано с появлением этого рассказа в «Просвещении» и откликами на него читателей. Первое (не дошедшее до нас) письмо было написано в мае–июне 1914 г. Горьким. Насколько можно судить по ответу Войтинского, Горький писал в нем о рассказе «Луч света среди ночи», пересылал адресату письмо двух рабочих, написанное по поводу этого рассказа, и просил прислать ему новую книгу адресата «Вне жизни. Очерки тюрьмы и каторги» (п. 1, прим. 5).

В годы иркутской ссылки Войтинский постепенно, под влиянием меньшевистского окружения, все дальше отходит от большевизма. Сам писатель попытался позже объяснить это тем, что «все... легальные литературные предприятия... велись главным образом меньшевиками, которые были представлены в иркутской ссылке сильнее и ярче, чем большевики»[11].

Сильное влияние на взгляды Войтинского оказал один из лидеров меньшевизма И. Г. Церетели, с которым он сдружился в годы ссылки. Небольшевистскую позицию занял Войтинский в полемике по вопросу о расколе социал-демократической фракции Государственной думы. Как известно, борьба большевиков с меньшевиками внутри думской фракции закончилась в ноябре 1913 г. выделением большевиков в самостоятельную Российскую социал-демократическую рабочую фракцию. «Я был противником этого раскола,— вспоминал впоследствии Войтинский,— и послал даже в петербургскую „Правду"[12] статью под заглавием „В защиту общего знамени". Редакция переслала рукопись в Краков, и оттуда я получил от Ленина дружеское письмо, которым „Ильич" пытался вернуть меня в лоно большевизма»[13].

В этом письме от 20 декабря 1913 г. В. И. Ленин резко критиковал бывшего товарища за меньшевистский уклон, за нетвердость идейных позиций: «Дорогой коллега!— писал он.— Получив статью „За общее знамя", должен по совести сказать, что она решительно никуда не годится. Откровенность и прямота прежде всего — не так ли?

Автор абсолютно не понял положения дел в России и дал себя увлечь... как бы это помягче выразиться?.. „амикошонству", что ли, с пошехонскими меньшевиками.

В России идет процесс восстановления и укрепления марксистской рабочей партии. Дискуссии и резолюции, кои возбуждают в авторе такую близорукую насмешку, имеют гигантское воспитательное и организационное значение ⟨...⟩

За грубоватой формой пролетарской „потасовки" не видеть гигантского идейного и организационного значения борьбы рабочего класса из-за 2-х течений — это слепота феноменальная. Лучшего для автора объяснения сей слепоты, как его оторванности и его „пленения" меньшевистско-сволочной компанией, представить себе не могу ⟨...⟩

Наш журнал не альманах, а боевой орган. Поэтому о напечатании статьи и речи быть не может. Но я был бы очень рад видеть возражение автора на мою критику, как вообще рад бы чрезвычайно всякому обмену мнений с старыми друзьями. Ежели я что „переписах" в этой критике и выразился иногда не слишком вежливо — прошу снисходительно меня извинить. Обидеть, ей-же-ей, не хотел, а во имя старой дружбы выкладывал „в простоте" все, чтó думал и думаю ⟨...⟩

До свидания, дорогой товарищ, плюйте почаще на меньшевиков, изучайте *факты* теперешнего рабочего движения, вдумывайтесь в их значение и ваша, извините, прокислость пройдет, не „средней линии" будете вы искать, а будете помогать сплочению рабочих против шайки изменников»[14].

Войтинский не прислушался к предостережениям Ленина, не смог понять правильно сложные перипетии нового этапа борьбы большевиков с «ликвидаторами». «Меня это письмо,— вспоминал он,— не убедило, и с этого времени началось мое организационное удаление от большевизма»[15].

Летом 1914 г. Войтинский совершил путешествие по диким местам Восточной Сибири и по тайге. Впечатления от поездки, от встреч с местным населением, золотоискателями и политическими ссыльными были описаны им в серии очерков и рассказов под общим заглавием «По Сибири», которые вскоре появились в журна-

лах «Современник» (1915, № 1) и «Вестник Европы» (1915, № 6; 1916, № 2, 6, 9). Некоторые из них были затем включены в книгу «В тайге» (Пг.: Книга, (1916)).

Начало первой мировой войны застало Войтинского в Якутске. Впоследствии ставший под влиянием меньшевизма «оборонцем», в первые месяцы войны он занимал в целом интернациональную, антивоенную позицию. Войтинский считал, что нужно всеми силами бороться против войны, против шовинистического угара, за сохранение интернациональных традиций в международном рабочем движении. Его памфлет о войне, подробный план которого он излагал в одном из писем Горькому (п. 2), так и не увидел света, запрещенный военной цензурой. Тогда вместе с ссыльными товарищами И. Г. Церетели и Н. А. Рожковым он решил издавать антивоенный «Сибирский журнал», к участию в котором пытался привлечь и Горького. Содержание журнала было таково, что после выхода первого номера (10 дек. 1914 г.) он был тотчас конфискован, а его официальный издатель арестован. Позднее Войтинский писал: «Посреди шовинистических завываний всей русской прессы „Сибирский журнал" подымал знамя борьбы с войной. Вопрос о войне он ставил интернационалистски и социалистически, обращая взгляд к организованному пролетариату всего мира и в нем указывая силу, призванную спасти человечество от того хаоса, к которому толкают Европу силы империализма» [16]. 1 января он вместе с Церетели выпустил первый номер нового журнала «Сибирское обозрение», продолжавшего и развивавшего ту же тематику. Однако и его постигла та же участь: он был тут же конфискован и закрыт.

С первых дней войны во всех воюющих странах, в том числе и в России, в ход были пущены все средства для раздувания военной истерии и ура-патриотических чувств населения. Буржуазная пресса распространяла идеи об освободительной миссии России, о защите ею всех славян от «варварства» «тевтонцев». Империалистическая борьба европейских государств выдавалась за битву «двух миров», «двух рас», «двух душ» — славянской и германской. В начале войны шовинизмом была заражена довольно большая часть творческой интеллигенции. Л. Н. Андреев, А. И. Куприн, Ф. К. Сологуб и другие воспевали войну и русский патриотизм. Те же настроения распространились и среди международной социал-демократии. Лидеры социализма в Германии и Франции предали интернациональное рабочее движение, проголосовав за военные кредиты и перейдя с позиций международной солидарности на позиции национализма и патриотизма. Аналогичные тенденции проявились и в среде русских социал-демократов. «Оборонцем» объявил себя в первые дни войны Плеханов. К нему примкнули «впередовец» Алексинский, меньшевик Маслов, анархист Кропоткин и др. Все это подействовало на Горького угнетающе. В письме к Е. П. Пешковой от 10 сентября 1914 г. он писал, например: «Как вспомнишь, что три года тому назад люди серьезно говорили о возможности планетарной культуры, о необходимости организации мирового разума, что была уверенность в прочности принципов, идей, международной солидарности лучших представителей человечества. И — вот! Люди науки свирепеют так же, как простое пушечное мясо. Бессмысленно и бесстыдно разрушаются исторические памятники.

Такая дикая тоска охватывает иногда, что просто не знаешь, куда девать себя» [17].

Грандиозный масштаб военных действий, количество втянутых в войну больших и малых стран и народов, невозможность высказаться на страницах прессы, контролируемой жесточайшей военной цензурой,— все это подавляло и ставило в тупик.

В обстановке военной истерии одним из немногих сочувствующих Горькому в первые месяцы войны стал ссыльный Войтинский. И Войтинскому в свою очередь была важна поддержка писателя, бывшего для него в течение долгих лет буревестником революции, символом правды и свободы. Неудивительно, что именно в этот период между Горьким и его адресатом завязывается особенно оживленная и заинтересованная переписка. В этих письмах Горький делится своими наблюдениями над событиями, пытается осмыслить их и дать оценку происходящему. Многие из

их суждений и мыслей перекликаются с его публицистикой той поры (имеются в виду написанные осенью 1914 г. «Воззвание к населению», три статьи цикла «Несвоевременное» и статья «Две души»). Однако, за исключением «Воззвания к населению», статьи не были тогда напечатаны из-за цензурных условий (см. п. 4, прим. 6). Поэтому письма к Войтинскому и другим ссыльным революционерам стали, пожалуй, единственным способом обмена мнениями с единомышленниками, откровенного высказывания по наболевшим вопросам. Благодаря этим письмам мы как бы проникаем в лабораторию напряженной мысли писателя, постигаем ее масштаб, видим, как постепенно он освобождается от своих тяжелых настроений и приходит к решению действовать, находит средства для борьбы за идеалы интернационализма, мира, международной рабочей солидарности.

С весны 1915 г. Горький усиленно занимается организацией нового журнала. Эти усилия завершаются выходом в декабре 1915 г. литературно-политического ежемесячника «Летопись», главной задачей которого была борьба «против военной идеологии», «разоблачение тех захватных планов, которые преследуют империалисты всех воюющих стран» [18].

В период организации Горьким «Летописи», осенью 1915 г., ссыльный Войтинский был арестован за антивоенную литературную деятельность. По выходе из тюрьмы он попытался найти новые возможности для антивоенной борьбы и обратился за помощью к Горькому. Писатель тут же откликнулся на его просьбу и предложил сотрудничать в новом журнале.

Дальнейшая переписка касается участия Войтинского в «Летописи». В № 5 и 12 журнала за 1916 г. были напечатаны два его очерка: «Беженцы в Сибири» и «Областной сибирский съезд». Ссыльный писатель хотел бы шире участвовать в журнале. В письмах к Горькому он предлагал для печати свою повесть «За жизнь!» и рассказы «На гребне волны» и «В деревне» (п. 10, 11). Ни одно из этих произведений в «Летописи» не появилось. В 1917 г. в журнале была напечатана рецензия П. С-ского (псевдоним П. Н. Сурожского) на книгу Войтинского «В тайге». Охарактеризовав помещенные в сборнике рассказы как «правдивые бытовые картинки сибирской жизни», автор рецензии обратил особое внимание на их социальную направленность, на критическое изображение эксплуатации сибирскими купцами — «капиталом» — местных жителей — тунгусов [19].

События Февральской, а затем Октябрьской социалистической революции и гражданской войны далеко развели судьбы Горького и его адресата. Сразу после Февральской ‚буржуазной революции Войтинский возвратился в Петроград. При Временном правительстве он являлся членом Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, членом Бюро этого Комитета, комиссаром Северного фронта. В октябре 1917 г. участвовал в контрреволюционном походе Керенского—Краснова на Петроград для подавления Октябрьского вооруженного восстания, был арестован и после освобождения, в начале 1918 г., вместе с Церетели уехал в Грузию, где редактировал меньшевистскую газету «Борьба».

Вскоре Войтинский в качестве представителя меньшевистской Грузии уехал за границу, в 1920 г. был включен в состав грузинского посольства в Италии. В 1921 г., после падения меньшевистской Грузии, он оказался в эмиграции и переехал в Берлин. В 1923—1924 гг. в Берлине в издательстве З. И. Гржебина вышли две книги его воспоминаний «Годы побед и поражений» (о годах первой русской революции, о тюрьме и ссылке 1908—1917 гг.). Познакомившись с ними, Горький писал Б. И. Николаевскому: «Книга Войтинского очень интересна» [20]. Кроме занятий литературой в 20-е годы Войтинский вновь обратился к увлечению своей юности — экономической науке и написал огромный энциклопедический труд «Весь мир в цифрах», содержащий основные итоги по различным отраслям хозяйственной статистики. На русском языке вышли первые два тома (Берлин: Знание, 1925). Целиком все 7 томов труда были изданы на немецком языке (Die Welt in Zahlen. Berlin: Rudolf Mosse, 1925–1928).

С попыткой издать этот труд полностью на русском языке для советских читателей связано возобновление после долгих лет молчания переписки его с Горьким. 16 февраля 1925 г. он послал писателю первый том своего труда и обратился

к нему с просьбой похлопотать о допущении этой работы в Россию. «Глубокоуважаемый Алексей Максимович! — сообщал Войтинский.— Посылаю Вам свою книгу ⟨...⟩ Вот уже второй год, как я занят большой научной работой по моей старой специальности — статистике. Задумал нечто вроде общедоступной энциклопедии по всем отраслям статистической науки — „Весь мир в цифрах" ⟨...⟩ По-видимому, интерес к цифрам большой, потребность в приложении статистического метода огромная, а знакомство с этим методом смутное ⟨...⟩ Вот у меня и явилась мысль обработать по первоисточникам все наиболее существенные данные статистики так, чтобы сделать их доступными среднему читателю и ввести его и в методологию статистической науки и в круг установленных ею положений ⟨...⟩

Главлит мой первый том „Мира в цифрах" пропустил и даже внес его в список разрешенных книг, но затем пришла телеграмма, что это, мол, произошло по недоразумению и что книга в Россию не допускается ⟨...⟩ Для издательства это большой материальный ущерб, а для меня не меньший моральный ущерб, т. к. я хотел и хочу работать для нашего круга читателей, и вся работа рассчитана на новую русскую интеллигенцию, на кооператоров, хозяйственников, деятелей профсоюзов и т. п. Выполнена работа не только вполне объективно, но и архицензурно...

Я решился попросить у Вас совета,— как быть, куда и к кому обратиться. Само собой разумеется, я буду считать себя вправе получить от Вас такой совет лишь в том случае, если, ознакомившись с моей работой, Вы найдете, что серия книг, начинающаяся этим томиком,— полезная и нужная» [21].

Горький незамедлительно ознакомился с присланной книгой и уже 22 февраля 1925 г. отвечал: «Не думаю, чтоб мое мнение — мнение профана имело интерес для Вас, но все же скажу: Вы затеяли очень важное дело и, судя по первому тому, прекрасно делаете его» [22]. Далее Горький давал конкретные советы по продвижению книги и обещал свою помощь в этом деле.

Ответ Войтинского устранял необходимость для Горького хлопотать о допущении книги в СССР. «Моему издателю,— сообщал ученый в письме от 27 марта 1925 г.,— удалось выяснить мотивы недопущения в СССР первого тома „Мира в цифрах". Он запросил по этому вопросу Главлит и получил официальное уведомление, что эта мера вызвана обнаружением в книге „ошибок" ⟨...⟩ Мой издатель понял это заявление в таком смысле, что по исправлении ошибок книга будет пропущена ⟨...⟩ Вот как обстоит пока дело. Ждем ответа из Москвы ⟨...⟩

Еще раз благодарю Вас за добрый отзыв о предпринятой мною работе. Лишь только выйдет II-ой том, вышлю Вам его» [23].

Судя по всему, разрешение на ввоз книги в СССР так и не было получено. В *ЛБГ* хранятся посланные Войтинским книги. На первой дарственная надпись: «Глубокоуважаемому Алексею Максимовичу от автора. Берлин, 11 февраля 1925» (*Описание*).

Увлекшись идеей пан-Европы, Войтинский написал в эмиграции две книги: «Соединенные Штаты Европы» (1927) и «Факты и цифры о Европе» (1930). В те же годы он напечатал ряд статей по различным вопросам экономики и политики в журналах Германии, Франции, Италии. После прихода Гитлера к власти Войтинскому удалось перебраться сначала в Швейцарию, а оттуда во Францию. Наконец, в 1935 г. он попал в США, где продолжал интенсивно работать в области экономики и статистики, написал ряд работ по вопросам труда, заработной платы, социального обеспечения, в том числе капитальный труд в двух томах: «Население и производство мира» (1953) и «Торговля и государственная организация мира» (1955). Скончался Войтинский 11 июня 1960 г. в Вашингтоне.

Публикуемые четыре письма Горького и семь писем Войтинского относятся к 1914—1916 гг. Более поздние, 1925 г., письма (одно Горького и два Войтинского) приводятся в отрывках в тексте вступительной статьи (см. выше).

Полностью все публикуемые письма печатаются впервые.

Интересна их история. Вместе с письмом В. И. Ленина, о котором упоминалось выше, и двумя письмами Короленко эти четыре письма Войтинский передал в свое время сестре [24], а та отдала все эти ценные материалы старому партийцу, рабоче-

му Н. Н. Глебову-Путиловскому (Степану Голубю). 13 февраля 1935 г. Глебов-Путиловский писал Горькому: «Мне были переданы Надеждой Савельевной Войтинской (сестрой Владимира Савельевича, автора книги „Годы побед и поражений" – 1905 г.,– был членом РСДРП, а в разные годы большевиком и меньшевиком, был в переписке с Вами, тов. Лениным, В. Г. Короленко) Ваши 4 больших письма. Кроме того, 2 письма В. Г. Короленко и одно большое письмо-оригинал тов. Ленина, исключительное по своей яркости и страстности. Нечего и говорить, что письма тов. Ленина и В(аши) письма имеют исключительный исторический интерес и ценность. Письмо тов. Ленина я хочу передать тов. Сталину (...)»[25]. Далее Глебов-Путиловский осведомляется, как быть с имеющимися у него письмами Горького и Короленко. Ответ Горького неизвестен, однако вскоре письмо Ленина было передано в архив Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б), а письма писателей попали в *АГ*.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Войтинский Вл.* Годы побед и поражений. Берлин: Изд. З. И. Гржебина, 1924. Кн. 2. С. 99.

[2] Там же. С. 251.

[3] *Войтинский Вл.* После взрыва // Русское богатство. 1913. № 8. С. 122.

[4] *Он же.* Годы побед и поражений. Кн. 2. С. 346.

[5] Русское богатство. 1913. № 8.

[6] *Войтинский Вл.* Призраки // Русское богатство. 1913. № 7. С. 21.

[7] Там же. С. 31.

[8] Под таким заглавием с 22 января по 21 мая 1914 г. выходила большевистская газ. «Правда». В связи с полицейскими репрессиями редакция за 2 года существования газеты при царском режиме (22 апр. 1912 г.— 8 июля 1914 г.) вынуждена была 8 раз менять ее название.

[9] *В. И. Ленин.* Т. 48. С. 224.

[10] Там же. С. 229. О романе Войтинского «Волны» см. также в п. М. А. Савельева Горькому от начала сентября 1913 г. (сообщение И. А. Ревякиной «Горький — редактор журнала „Просвещение"»).

[11] *Войтинский Вл.* Годы побед и поражений. Кн. 2. С. 380.

[12] Войтинский ошибся: статью под названием «За общее знамя» он послал в большевистский журн. «Просвещение» (В. И. Ленин. Биографическая хроника. М., 1972. С. 166).

[13] *Войтинский Вл.* Годы побед и поражений. Кн. 2. С. 382.

[14] *В. И. Ленин.* Т. 48. С. 238—241.

[15] *Войтинский Вл.* Годы побед и поражений. Кн. 2. С. 382.

[16] Там же. С. 394.

[17] *Арх. Г.* Т. IX. С. 161.

[18] Летопись. 1917. № 2—4. С. 7. Подробно об этом журнале см.: *Дубинская Т. И.* Летопись // Русская литература и журналистика начала XX века, 1905—1917: Большевистские и общедемократические издания. М.: Наука, 1984.

[19] Летопись. 1917. № 7/8. С. 321.

[20] Русский Берлин, 1921—1923. Paris, 1983. С. 392.

[21] *АГ.*

[22] Новый журнал (Нью-Йорк). 1969. № 94/95. С. 226—227.

[23] *АГ.*

[24] Надежда Савельевна *Войтинская* (1886—1965) — художница, автор серии литографированных портретов деятелей литературы и искусства начала XX в. (А. Н. Бенуа, Н. С. Гумилева, М. В. Добужинского, К. И. Чуковского и др.). Детская писательница, переводчица. Дважды приезжала к брату в Сибирь, привозила ему и его товарищам-каторжанам письма родных, книги, деньги, одежду. В *ГПБ*, в архиве Войтинской, хранится уникальная коллекция фотографий политзаключенных и видов Александровского централа. О Войтинской, ее жизни и творчестве см. ст. В. Шубина «Надежда» (Нева. 1987. № 3).

Неоднократно подвергавшийся в ссылке обыскам и арестам, Войтинский, сознавая, видимо, ценность посланных ему в Сибирь писем Ленина, Короленко, Горького, передал их на хранение сестре.

[25] *АГ.*

к нему с просьбой похлопотать о допущении этой работы в Россию. «Глубокоуважаемый Алексей Максимович! — сообщал Войтинский.— Посылаю Вам свою книгу ⟨...⟩ Вот уже второй год, как я занят большой научной работой по моей старой специальности — статистике. Задумал нечто вроде общедоступной энциклопедии по всем отраслям статистической науки — „Весь мир в цифрах“ ⟨...⟩ По-видимому, интерес к цифрам большой, потребность в приложении статистического метода огромная, а знакомство с этим методом смутное ⟨...⟩ Вот у меня и явилась мысль обработать по первоисточникам все наиболее существенные данные статистики так, чтобы сделать их доступными среднему читателю и ввести его и в методологию статистической науки и в круг установленных ею положений ⟨...⟩

Главлит мой первый том „Мира в цифрах“ пропустил и даже внес его в список разрешенных книг, но затем пришла телеграмма, что это, мол, произошло по недоразумению и что книга в Россию не допускается ⟨...⟩ Для издательства это большой материальный ущерб, а для меня не меньший моральный ущерб, т. к. я хотел и хочу работать для нашего круга читателей, и вся работа рассчитана на новую русскую интеллигенцию, на кооператоров, хозяйственников, деятелей профсоюзов и т. п. Выполнена работа не только вполне объективно, но и архицензурно...

Я решился попросить у Вас совета,— как быть, куда и к кому обратиться. Само собой разумеется, я буду считать себя вправе получить от Вас такой совет лишь в том случае, если, ознакомившись с моей работой, Вы найдете, что серия книг, начинающаяся этим томиком,— полезная и нужная» [21].

Горький незамедлительно ознакомился с присланной книгой и уже 22 февраля 1925 г. отвечал: «Не думаю, чтоб мое мнение — мнение профана имело интерес для Вас, но все же скажу: Вы затеяли очень важное дело и, судя по первому тому, прекрасно делаете его» [22]. Далее Горький давал конкретные советы по продвижению книги и обещал свою помощь в этом деле.

Ответ Войтинского устранял необходимость для Горького хлопотать о допущении книги в СССР. «Моему издателю,— сообщал ученый в письме от 27 марта 1925 г.,— удалось выяснить мотивы недопущения в СССР первого тома „Мира в цифрах“. Он запросил по этому вопросу Главлит и получил официальное уведомление, что эта мера вызвана обнаружением в книге „ошибок“ ⟨...⟩ Мой издатель понял это заявление в таком смысле, что по исправлении ошибок книга будет пропущена ⟨...⟩ Вот как обстоит пока дело. Ждем ответа из Москвы ⟨...⟩

Еще раз благодарю Вас за добрый отзыв о предпринятой мною работе. Лишь только выйдет II-ой том, вышлю Вам его» [23].

Судя по всему, разрешение на ввоз книги в СССР так и не было получено. В *ЛБГ* хранятся посланные Войтинским книги. На первой дарственная надпись: «Глубокоуважаемому Алексею Максимовичу от автора. Берлин, 11 февраля 1925» (*Описание*).

Увлекшись идеей пан-Европы, Войтинский написал в эмиграции две книги: «Соединенные Штаты Европы» (1927) и «Факты и цифры о Европе» (1930). В те же годы он напечатал ряд статей по различным вопросам экономики и политики в журналах Германии, Франции, Италии. После прихода Гитлера к власти Войтинскому удалось перебраться сначала в Швейцарию, а оттуда во Францию. Наконец, в 1935 г. он попал в США, где продолжал интенсивно работать в области экономики и статистики, написал ряд работ по вопросам труда, заработной платы, социального обеспечения, в том числе капитальный труд в двух томах: «Население и производство мира» (1953) и «Торговля и государственная организация мира» (1955). Скончался Войтинский 11 июня 1960 г. в Вашингтоне.

Публикуемые четыре письма Горького и семь писем Войтинского относятся к 1914—1916 гг. Более поздние, 1925 г., письма (одно Горького и два Войтинского) приводятся в отрывках в тексте вступительной статьи (см. выше).

Полностью все публикуемые письма печатаются впервые.

Интересна их история. Вместе с письмом В. И. Ленина, о котором упоминалось выше, и двумя письмами Короленко эти четыре письма Войтинский передал в свое время сестре [24], а та отдала все эти ценные материалы старому партийцу, рабочему Н. Н. Глебову-Путиловскому (Степану Голубю). 13 февраля 1935 г. Глебов-Путиловский писал Горькому: «Мне были переданы Надеждой Савельевной Войтинской (сестрой Владимира Савельевича, автора книги „Годы побед и поражений“ – 1905 г.,– был членом РСДРП, а в разные годы большевиком и меньшевиком, был в переписке с Вами, тов. Лениным, В. Г. Короленко) Ваши 4 больших письма. Кроме того, 2 письма В. Г. Короленко и одно большое письмо-оригинал тов. Ленина, исключительное по своей яркости и страстности. Нечего и говорить, что письмо тов. Ленина и В⟨аши⟩ письма имеют исключительный исторический интерес и ценность. Письмо тов. Ленина я хочу передать тов. Сталину ⟨...⟩» [25]. Далее Глебов-Путиловский осведомляется, как быть с имеющимися у него письмами Горького и Короленко. Ответ Горького неизвестен, однако вскоре письмо Ленина было передано в архив Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б), а письма писателей попали в *АГ*.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Войтинский Вл.* Годы побед и поражений. Берлин: Изд. З. И. Гржебина, 1924. Кн. 2. С. 99.

[2] Там же. С. 251.

[3] *Войтинский Вл.* После взрыва // Русское богатство. 1913. № 8. С. 122.

[4] *Он же.* Годы побед и поражений. Кн. 2. С. 346.

[5] Русское богатство. 1913. № 8.

[6] *Войтинский Вл.* Призраки // Русское богатство. 1913. № 7. С. 21.

[7] Там же. С. 31.

[8] Под таким заглавием с 22 января по 21 мая 1914 г. выходила большевистская газ. «Правда». В связи с полицейскими репрессиями редакция за 2 года существования газеты при царском режиме (22 апр. 1912 г.— 8 июля 1914 г.) вынуждена была 8 раз менять ее название.

[9] *В. И. Ленин.* Т. 48. С. 224.

[10] Там же. С. 229. О романе Войтинского «Волны» см. также в п. М. А. Савельева Горькому от начала сентября 1913 г. (сообщение И. А. Ревякиной «Горький — редактор журнала „Просвещение“»).

[11] *Войтинский Вл.* Годы побед и поражений. Кн. 2. С. 380.

[12] Войтинский ошибся: статью под названием «За общее знамя» он послал в большевистский журн. «Просвещение» (В. И. Ленин. Биографическая хроника. М., 1972. С. 166).

[13] *Войтинский Вл.* Годы побед и поражений. Кн. 2. С. 382.

[14] *В. И. Ленин.* Т. 48. С. 238—241.

[15] *Войтинский Вл.* Годы побед и поражений. Кн. 2. С. 382.

[16] Там же. С. 394.

[17] *Арх. Г.* Т. IX. С. 161.

[18] Летопись. 1917. № 2—4. С. 7. Подробно об этом журнале см.: *Дубинская Т. И.* Летопись // Русская литература и журналистика начала XX века, 1905—1917: Большевистские и общедемократические издания. М.: Наука, 1984.

[19] Летопись. 1917. № 7/8. С. 321.

[20] Русский Берлин, 1921—1923. Paris, 1983. С. 392.

[21] *АГ.*

[22] Новый журнал (Нью-Йорк). 1969. № 94/95. С. 226—227.

[23] *АГ.*

[24] Надежда Савельевна *Войтинская* (1886—1965) — художница, автор серии литографированных портретов деятелей литературы и искусства начала XX в. (А. Н. Бенуа, Н. С. Гумилева, М. В. Добужинского, К. И. Чуковского и др.). Детская писательница, переводчица. Дважды приезжала к брату в Сибирь, привозила ему и его товарищам-каторжанам письма родных, книги, деньги, одежду. В *ГПБ*, в архиве Войтинской, хранится уникальная коллекция фотографий политзаключенных и видов Александровского централа. О Войтинской, ее жизни и творчестве см. ст. В. Шубина «Надежда» (Нева. 1987. № 3).

Неоднократно подвергавшийся в ссылке обыскам и арестам, Войтинский, сознавая, видимо, ценность посланных ему в Сибирь писем Ленина, Короленко, Горького, передал их на хранение сестре.

[25] *АГ.*

1. ВОЙТИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

〈Якутск. 23 июля 1914 г.〉

Глубокоуважаемый товарищ Алексей Максимович!

Ваше письмо с приложением письма т. т. Южанина и Гуранова [1] я получил с большим опозданием в Якутске. Этим летом я предпринял поездку на Северо-Восток, плавал по Лене, Алдану и Мае, побывал на Витиме и в Якутске, скитался по тайге у Охотского моря [2]. Вынес из поездки много интересного.

Но письма, приходившие на мое имя, лежали все это время в Якутске. Поэтому только теперь, возвращаясь домой, могу ответить. Да и то подробно ответить не могу, т. к. после таежных скитаний плохо держу перо в пальцах.

Я не буду писать Вам, дорогой товарищ, о том, насколько приятно было мне получить письмо от Вас: пришлось бы говорить о том, сколько хорошего и светлого и на воле и в тюрьме дали мне Ваши произведения. А об этом Вы слышали уж слишком часто от слишком многих.

Южанину и Гуранову посылаю письмо [3], к〈отор〉ое прошу Вас переправить им,— своего адреса они в письме не сообщили.

Не знаю, удовлетворят ли т. т. мои объяснения. Мне кажется, что в их письме значительную роль сыграло простое недоразумение.

Жалею, что приходится быть так далеко в переживаемое время. Вернувшись с Алдана, узнал новости последних месяцев [4]. Что-то дальше будет?

Крепко жму руку.

Вл. Войтинский

P. S. Свою книгу вышлю Вам из Иркутска [5].

Вл. В-ий

23 июля 1914 г.

[1] П. Горького и п. рабочих Южанина и Гуранова разыскать не удалось.

[2] Алдан, Мая, Витим — притоки реки Лены. Через 10 лет Войтинский вспоминал о своих скитаниях по тайге: «Весной 1914 г. я решил предпринять поездку по Сибири 〈...〉 Разрешение на путешествие я получил без затруднений 〈...〉 Легко добыл я и средства на поездку: через редакцию „Русского богатства“ условился с „Русским словом“ о посылке в газету очерков и получил аванс 〈...〉

До Качуга (верст 200 или 250) мы ехали на почтовых. В Качуге купили 〈...〉 лодку и поплыли по Лене 〈...〉 Добравшись до Усть-Кута, бросили лодку и пересели на пароход. На остановках спускались на берег, разыскивали политических, расспрашивали их о местных условиях жизни. Картина повсюду была одинаковая — серая, безотрадная: нужда, тоска, ссоры. Только в Якутске застали сплоченную организацию ссыльных 〈...〉 Дальше пошла уже совершенная глушь. Ничто не изменилось здесь с XVII века 〈...〉 С Маи мы пошли тайгой к Охотскому морю. Путь был недалекий, около 300 верст, но предстояло пробираться через болота, переходить через множество речек, пересечь Джугджурский хребет 〈...〉 трудно проходимый 〈...〉 До моря мы не дошли 〈...〉 Возвращались на плоту по р. Челясину, а затем пешком через тайгу. На всю жизнь осталась у меня память об этом путешествии» (*Войтинский Вл.* Годы побед и поражений. Берлин: Изд. З. И. Гржебина, 1924. Кн. 2. С. 382, 383, 385, 388, 390). По впечатлениям от путешествия Войтинский написал ряд очерков, публиковавшихся в журн. «Современник» и «Вестник Европы», а затем включенных в книгу «В тайге».

[3] Речь идет об ответе Войтинского на п. рабочих Гуранова и Южанина, написанное по поводу его рассказа «Луч света среди ночи» (см. предисл. к переписке). Прочитав рассказ, рабочие через посредство Горького, редактировавшего в то время журнал, обратились к автору с письмом, в котором, в целом положительно оценив это произведение, высказали ряд критических замечаний. В частности, их обидели те резкие выражения и ругательства, с которыми обращался к рабочим, разогнанным с митинга казаками, агитатор Колька: «Трусы, подлецы, кого испугались? Ведь и правда! Мерзость такая!» (Просвещение. 1914. № 4. С. 5). Ответное п. Войтинского рабочим хранится вместе с п. Горькому в *АГ*: «Южанину и Гуранову. Дорогие товарищи! Т〈оварищ〉 Горький переслал мне ваше письмо по поводу моего рассказа, помещенного в 4-й книжке „Просвещение“. Вы возражаете в письме против употребленного мною выражения в рассказе Кольки о заводском митинге. Колька — молоденький, бойкий агитатор — бойко и картинно рассказывает о своем выступлении на заводе 〈...〉 Прав ли был Колька, ругая рабочих „подлецами“? Конечно, не прав. В том, что рабочие, с непривычки, не выдержали натиска казаков, нет никакой „подлости“. Тут нет даже проявления трусости. Скорее всего, тут сказалась лишь неорганизованность рабочих. Но это не значит, что я, как автор, не имел права привести рассказ Кольки в том виде, как он передан у меня. Чтоб выполнить свое назначение, каждое литературное произведение прежде всего должно быть правдиво. К этому я и стремился в своем рассказе. Поэтому и Кольку, и его слушателей я изобразил такими, какими они были в 1905 г. Вспомните то время и скажите: разве не происходили тогда между ораторами и их слушателями подобного рода размолвки? Происходили! 〈...〉 Мне кажется, что этим я никого не мог обидеть. Да и вы, товарищи, считаете мой рассказ в общем хорошим, удачным 〈...〉 Мне кажется, что общая оценка, данная вами моему рассказу, является лучшим оправданием отдельным употребляемым мною словам и выражениям. Хотя я и допускаю, что можно было смягчить резкость отдельных мест».

Следует отметить, что во втором издании рассказа (Луч света среди ночи. Пг.: Книга, 〈1917〉) Войтинский учел замечание рабочих и смягчил тон Колькиного рассказа, оставив только слово «тру́сы».

[4] Июльская пресса была полна тревожными сообщениями о последних событиях в Европе, приведших в конце концов к развязыванию первой мировой войны: убийстве в Сараеве наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда, ультиматуме Австро-Венгрии, предъявленном Сербии, заявлении России о поддержке этой маленькой страны и объявлении ею о широкой мобилизации войск. 19 июля / 1 августа 1914 г. Германия под предлогом грозящей ей со стороны России военной опасности объявила войну ей, а затем и Франции. Англия объявила войну Германии. Первая мировая война империалистических государств началась. 21 июля в русской прессе появился царский манифест о войне. Войтинский вспоминал об атмосфере тех дней: «В Якутск мы прибыли в 20-х числах августа 〈июля.— *Н. П.*〉. Уже было известно о сараевском убийстве и об австрийском ультиматуме. Пахло порохом в воздухе. Все кругом говорили о войне 〈...〉 Несколько дней спустя, на Лене, нам уже пришлось наблюдать картины мобилизации и проводов призывных» (*Войтинский Вл.* Годы побед и поражений. Кн. 2. С. 390).

[5] Вероятно, ответ на просьбу Горького прислать ему книгу Вл. Войтинского «Вне жизни. Очерки тюрьмы и каторги» (СПб., изд. В. С. Войтинского, 1914, с литографиями Н. С. Войтинской). Писатель мог узнать о ее выходе из объявления в «Книжной летописи Главного управления по делам печати» (1914. № 16. 26 апр. С. 3; № 20. 24 мая. С. 3). О своем желании издать эту книгу Войтинский писал в 1913 г. Короленко. 25 июня 1913 г. Короленко в ответном письме сообщал об условиях и возможностях этого издания, заключая его следующими словами: «В принципе все мы признаем издание Ваших статей желательным и полезным» (*АГ*).

2. ВОЙТИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

〈Иркутск. Середина сентября 1914 г.〉

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Посылая Вам свою книгу «Вне жизни», прошу Вашего совета по вопросу, крайне волнующему меня.

Я считаю, что мы обязаны высказаться, наконец, относительно войны. Молчать с нашей стороны преступление. Нашего слова ждут. Наше слово будет услышано и вольет новую струю в общественные настроения.

Ведь все, кроме нас [1], высказались! Высказались анархисты нелепой болтовней Кропоткина [2]. Высказались народники истерикой Бурцева [3] и трезвыми речами «Русск〈ого〉 бог〈атства〉» [4]. Высказались и все нутро свое выболтали либералы [5].

Мы лишь молчим. И наше мнение газеты обрабатывают, как им вздумается. Случайную фразу Плеханова [6] превратили в проповедь крестового похода против немцев. Ваше — понятное для меня — предложение относительно лазарета [7] обработали под казенный патриотизм. Никитину [8] приписали двусмысленность сервильного характера. Труса и идиота Козьмодемьянского превратили в представителя фракции [9]. Сочинили резолюции несуществующих групп и комитетов, и т. д., и т. д. Можно ли молчать в такое время?

Вам, под Питером, виднее, как обстоят дела. Есть ли возможность поставить газету? Можно ли обратиться в тот или иной журнал? Можно ли выпустить отдельные памфлеты-брошюры или какой-нибудь сборник?

Я считаю, что мы можем высказаться в рамках строгой цензурности. О чем нельзя говорить, о том будем молчать. Но выступим против заливающей мир волны одичания, против пропитавшей всю печать психологии каннибалов. Выясним свое отношение к грядущим революциям в Германии, Австрии и, м. б., в др. странах. Выясним, что именно международному пролетариату предстоит спасти человечество. А главное — будем бичевать ту растленную ложь, которая увеличивает систематически одичание общества, сгущает ненависть, ослепляет разум.

Чувствую, что мы обязаны это сказать, что не сказать всего этого в такое время — значит опозорить себя, опустить знамя в решительный час. Но не знаю, как (в смысле техническом) оборудовать все это.

Сейчас я пишу памфлет «О войне» [10]. Содержание его приблизительно такое:

1) *Наш патриотизм.* 2) *Война и печать* (легкомыслие, фанфаронство, забвение ответственности перед родиной). 3) *Ложь и ненависть* (газетная и агентская ложь, натравливанье и результаты всего этого). 4) *Куда мы идем?* (разрушение материальной и моральной культуры, разрушение Европы). 5) *Война и победа* (невозможность окончательного разгрома Германии, кошмарность мечты об этом как о залоге прочного мира; вообще невозможность разрешения кризиса средствами армий и дипломатов). 6) *Кто спасет мир?* (предстоящая роль пролетариата и демократии).

Эту схему я заполню либо сам, либо в сотрудничестве с моим другом Ир. Церетели [11]. В последнем случае мы, пожалуй, расширили бы рамки. Но как обстоит дело с печатаньем?

Посоветуйте, как быть, куда обратиться?

Если согласны с идеей *сборника*, возьмите в свои руки инициативу дела. Вы это сделаете лучше, чем кто бы то ни было. А мы (Церетели, я, Рожков) [12] будем Вашими помощниками.

Если сборник неосуществим, укажите, можно ли выпустить отдельные брошюры.

Я не извиняюсь за свое обращение к Вам, т. к. уверен, что вопрос Вам так же близок, как мне, и так же, как меня, волнует Вас.

Попытаемся, дорогой и уважаемый товарищ, сделать то, что в наших силах!

Крепко жму Вашу руку и жду ответа.

Вл. Войтинский

Иркутск,
Жандармская, 32

Датируется по ответному п. Горького и по содержанию.

[1] Имеются в виду социал-демократы.

[2] П. А. Кропоткин в 1914—1918 гг. занимал оборонческую позицию, резко осужденную В. И. Лениным. Вероятно, Войтинский имеет в виду сообщение русской прессы о появившемся в шведских газетах п. Кропоткина проф. Стефенсу. «Победа немцев,— пишет Кропоткин,— установит в Европе самую темную реакцию на 50 лет ⟨...⟩ Ввиду популярности автора, письмо производит сильное впечатление» (Русское слово. 1914. № 209. 12 сент.).

[3] По-видимому, в данном случае речь идет о следующем сообщении из Парижа: «Газета „Guerre Sociale" печатает ст. В. Л. Бурцева, в которой он заявляет, что все славяне без исключения должны сплотиться вокруг русского правительства и что ни одна политическая партия не имеет права компрометировать великое дело ополчения всей Европы на пангерманизм» (Русское слово. 1914. № 179. 5 авг.). Вскоре под влиянием охвативших его «патриотических» чувств Бурцев вернулся из эмиграции в Россию.

[4] Очевидно, речь идет о ст. А. Пешехонова «На очередные темы. Вероятное и возможное», напечатанной в августовском номере (№ 8) журн. «Русское богатство» за 1914 г. В статье утверждалось, что начавшаяся война является не битвой «тевтонской и славянской рас», а следствием милитаристской политики европейских государств. Далее автор говорил, что война потрясет «внутренние основы» этих государств, неминуемо обострит противоречия между «имущими и неимущими» и вызовет «выступление на историческую арену широких трудящихся масс...» (с. 299). См. также п. 3, прим. 2.

[5] Имеются в виду шовинистические выступления Струве, Булгакова, Эрна и других в защиту «священной» войны России против «мирового зла» — немецкой «расы».

[6] В газетной заметке «Г. В. Плеханов о войне» говорилось: «Г. Плеханов отозвался очень сочувственно о союзниках, заявив, что его симпатии всецело на стороне тройственного согласия, борющегося с игом германского милитаризма. Что касается России, то ее война с Германией, по мнению г. Плеханова, помимо всего прочего, есть экономическая необходимость» (Русское слово. 1914. № 192. 22 авг.). Время показало, что подобное высказывание отнюдь не было «случайным». В годы войны Плеханов разделял оппортунистические социал-шовинистические взгляды, со всей откровенностью высказанные им в брошюре «О войне». В первом номере издаваемой Горьким «Летописи», в ст. «Письмо в редакцию», «оборонческая» позиция Плеханова была названа «лакейской».

[7] Войтинский прочитал в прессе сообщение о том, что Горький организует на свои средства военный лазарет.

[8] *А. М. Никитин* (1876—?) — меньшевик, по профессии юрист, министр почт и телеграфов, затем министр внутренних дел при Временном правительстве. В известном п. А. Г. Шляпникову от 17 октября 1914 г. В. И. Ленин, говоря о необходимости борьбы с шовинизмом и шовинистами, среди других имен упоминает и Никитина (*В. И. Ленин.* Т. 49. С. 12).

[9] И. И. *Козьмодемьянский* (1869—?) — член социал-демократической фракции II Государственной думы. После сфабрикованного царской охранкой обвинения фракции в военном заговоре и разгоне Думы Козьмодемьянский оказался в политической эмиграции. Охваченный «патриотическими» чувствами в начале войны, он решил вернуться на родину. В газ. «Речь» сообщалось: «В числе прибывших из Венеции ⟨...⟩ русских находится ⟨...⟩ втородумец Козьмодемьянский, пославший из Швейцарии председателю совета министров Горемыкину телеграмму о своем решении, несмотря на висящее над ним обвинение в участии в военной организации с.-д. членов второй думы, вернуться и вступить добровольцем. Не дождавшись ответа, Козьмодемьянский выехал в Россию...» (Речь. 1914. № 232. 30 авг.).

[10] Позже, в эмиграции, Войтинский вспоминал об этом: «Припоминаю мои настроения первых месяцев войны. Я был решительным противником войны, возмущался манифестациями казенного патриотизма и проповедью ненависти к немцам, считал основной задачей социалистов в России антивоенную пропаганду ⟨...⟩ Я засел за памфлет против войны, которому дал название „В дни мирового пожара". Брошюра мне не удалась. В ней не хватало научного анализа причин мирового конфликта и отсутствовали живые краски в изображении ужасов войны ⟨...⟩ Свой памфлет я переработал и отослал в Петроград, где издательство Ясного пыталось издать его. Но военная цензура задержала брошюру» (*Войтинский Вл.* Годы побед и поражений. Кн. 2. С. 391, 393).

[11] Ираклий Георгиевич *Церетели* (1881—1959) — политический деятель, один из лидеров меньшевизма, в 1907 г.— депутат II Государственной думы, лидер социал-демократической фракции. После разгона Думы был приговорен к каторге, с 1912 г. на поселении в Сибири. После Февральской революции — министр почт и телеграфов, затем министр внутренних дел во Временном правительстве, глава антисоветского блока в Учредительном собрании. После Октября — эмигрант.

[12] Николай Александрович *Рожков* (1868—1927) — русский историк и политический деятель. В 1905 г. вступил в РСДРП, примкнув к большевикам. Член Петербургского комитета большевиков, делегат V съезда РСДРП (1907). В 1908 г. был арестован и сослан в Восточную Сибирь, в ссылке примкнул к меньшевикам. Октябрьскую революцию встретил враждебно. В 1922 г. порвал с меньшевиками. Работал в вузах Ленинграда и Москвы, с 1922 г. профессор. Войтинский писал о нем: «Вдохновителем и руководителем социал-демократических выступлений в Иркутске был Н. А. Рожков ⟨...⟩ Рожков — человек больших знаний, больших научных запросов ⟨...⟩ Работать с ним было приятно. От него веяло общественным идеализмом и воистину неистощимой энергией ⟨...⟩ Но, увы, в политике он оставался мистером Пиквиком» (*Войтинский Вл.* Годы побед и поражений. Кн. 2. С. 365).

3. ГОРЬКИЙ — ВОЙТИНСКОМУ

⟨Мустамяки⟩. 1⟨14⟩ X ⟨19⟩14

Уважаемый товарищ,

я считаю невозможным осуществление Вашего литературного проекта при наличии военной цензуры в Питере, а — с сего дня — и в Москве, всякое литературное выступление «против течения» неоспоримо обречено

на неудачу [1]. Попытки — были. Каково течение? А вот каково: скромная статья Пешехонова в «Рус⟨ском⟩ богатстве» вызвала со стороны публики множество протестов и доносов администрации, которая и закрыла журнал [2], ссылаясь на давление «общественного мнения».

Мне известно, что в Сибири думают и чувствуют не так, как здесь,— Ваше письмо одно из доказательств в пользу сибирского спокойствия и — может быть — здравомыслия [3]. Здесь мыслят нездорово, живут — кошмарно. Кошмар значительно усугубляется разноголосицей и путаницей мнений даже в кругах идейно близких и ныне еще более оторванных от жизни демократии [4]. Сама же демократия отчасти разрежена наборами в армию, отчасти — подчиняется шовинизму уличной прессы [5]; группы здравочувствующих — главным образом среди металлистов — заняты спешной работой, мало влиятельны и, пока, не имеют возможности выполнить свое назначение, понимаемое ими. *Пока.* Но — сколько времени продлится это пока? Трудно сказать.

Здесь много говорилось на Вашу тему. Недавно вернулся Стеклов [6] из немецкого плена и сделал доклад о поведении товарищей немцев. Этот доклад произвел на меня впечатление панихиды по интернациональном социализме [7]. Гаазе и Шейдеман были обмануты Бетман-Гольвегом, но они так легко обманулись, как будто хотели этого [8]. Вообще говоря — мы живем в отвратительное время, невозможно было ожидать случившегося, хотя война, конечно, была неизбежна. Но формы, принятые ею,— более патологичны, чем формы какой-либо иной войны из пережитых нами. Грандиозность ее действует ужасающе на примитивное мышление, а примитивно мыслят в России из 175 миллионов людей, вероятно, 173. Если не больше.

Это пессимизм? Нет. Но когда хватят по лбу обухом топора, то некоторое время чувствуешь себя не очень ловко. Сейчас создалось такое положение, что не знаешь — можно ли разговаривать с человеком, который в начале июля был довольно приличен?

Вы пишете о каком-то моем «предложении относительно лазарета» — я не делал решительно никаких лазаретных предложений, это из области таких же анекдотов, как мое поступление в санитары и служба сына моего в армии союзников [9]. Но об этих новостях я все-таки читал в газетах, а о лазарете даже и по газетам не слыхал,— не объясните ли Вы, что это такое? Некоторые выходки газетчиков приходится публично опровергать, так, например, недавно явилось в печати якобы мое письмо к Шаляпину,— очень патриотическое письмо. Но после моего опровержения оказалось, что его писал не я, а г. Берман из «Биржевых ведом⟨остей⟩» [10]. В санитары я не собирался, сын мой учится в Москве и вовсе не намерен воевать, лазаретов не строю — нет денег и желания, а вот протест литераторов против «немецких зверств» подписал второпях, и это меня очень мучает, хотя и литераторы они и даже академики [11].

Жить стало трудно, неприятно. Некоторые из хороших рабочих вызывают мучительное впечатление детей горько обиженных, иные — кажется — обижены неизлечимо.

Ну, я сказал все плохое. Хорошего пока еще нет, но уверенность, что оно растет,— не исчезла, а, напротив, понемножку крепнет. Я не стану приводит фактов, но они свидетельствуют о прекрасной живучести юных сил.

В этой войне есть одна положительная сторона: война эта с неопровержимой ясностью доказывает, что при наличии национализма невозможна общечеловеческая, планетарная культура. Творцом планетарной культуры, основанной на факте, на изучении,— может явиться только идея интернационализма,— всякая иная идеология культуры является идеологией, основанной на догмате и внушении. Наш путь — прочь от умозрений и метафизики — к эксперименту, к наблюдению.

Об этом очень долго приходится говорить, хотя это и не ново. Но,— мы живем в стране со слабой памятью, никто не забывает так легко, как русский, чем он был вчера и как он вчера думал.

Книгу Вашу я еще не получил [12]. Благодарю за любезность, мне очень нравятся Ваши рассказы.

Будьте здоровы! Скоро у меня будет оказия в Ваши места,— пошлю с нею Вам разные новости и более подробное, более ясное письмо о происходящем [13].

Всего доброго.

А. Пешков

В это время в Финляндии был принят новый стиль.

[1] Впервые подлинно революционное отношение к войне печатно удалось выразить в большевистской нелегальной прессе. 19 октября / 1 ноября 1914 г. в Женеве вышел № 33 газ. «Социал-демократ», в котором были напечатаны написанные В. И. Лениным обращение «Война и российская социал-демократия», статья «Положение и задачи социалистического Интернационала» и подписанный ЦК РСДРП «Ответ Э. Вандервельду».

[2] Речь идет о ст. А. Пешехонова «Единая Россия» (Русское богатство. 1914. № 9. С. 293—323), в которой оспаривался официозный тезис о «полном единении всей России перед лицом военной опасности». Журн. «Русское богатство» был закрыт 18 сентября / 1 октября 1914 г. В специальном донесении Главного управления по делам печати указывалось, что закрытие журнала было вызвано появлением на его страницах кроме вышеупомянутой ст. Пешехонова ст. Н. Русанова «Обозрение иностранной жизни» и В. Мякотина «Борьба с германизмом и национальный вопрос». После подробного разбора этих статей и указания наиболее «вредных» и «опасных» мест в донесении делался вывод, что «Русское богатство» придерживается оппозиционного направления по отношению к царскому правительству: «⟨...⟩ в настоящее время, когда все силы страны должны быть направлены на борьбу с внешним врагом, журнал, обсуждая в высшей степени важные и сложные вопросы социально-политической жизни, связанные с событиями военного времени, дает этим вопросам решение в духе и направлении одной из самых крайних политических партий» (*Евгеньев-Максимов В.* Из истории «Русского богатства»: (К двадцатилетию журнала)//Русское богатство. 1917. № 11/12. С. 93. См. также: *Русская литература конца XIX — начала XX в. 1908–1917.* С. 593). Чтобы возобновить выход журнала, редакции пришлось прибегнуть к хитрости и переименовать его. В ноябре 1914 г. вышел следующий номер журнала под заглавием «Русские записки» (№ 1).

[3] Войтинский позже писал об этом: «Война началась. И если кое-где в городах Европейской России население встретило ее кликами „ура" и коленопреклоненной молитвой за царя, в Сибири ее встречали проклятиями ⟨...⟩ Несмотря на усилия кадетов и части народнической интеллигенции, в Иркутске не было военного воодушевления. Скорее можно было отметить в обывательской среде пораженческие настроения ⟨...⟩ Среди иркутских рабочих антивоенные настроения проявлялись особенно резко» (*Войтинский Вл.* Годы побед и поражений. Кн. 2. С. 390, 405).

[4] Вероятно, имеется в виду социал-патриотическая позиция, занятая с первых месяцев войны многими русскими социал-демократами: Плехановым, Масловым, Мартовым, Аксельродом и др.

[5] Об отношении рабочих России к войне свидетельствует следующее п. одного из рабочих корреспондентов в большевистскую газету от 10/23 октября 1914 г.: «У рабочих очень мало имеет успеха „освобождение славян". Втайне многие желают победы французам, англичанам и бельгийцам, а для себя удовлетворяются поражением ⟨...⟩ Нужно заметить, что запутанная и так всеми запутываемая „ситуация" очень тяжело отражается на рабочих. Писания и рассказы о немецких зверствах, хотя и с оговорками, находят некоторый кредит у рабочих, так как на многих предприятиях были немцы мастера, инженеры и пр., которые пользовались славой грубиянов. В среде рабочих шовинизм совершенно не чувствуется и, несмотря на „работу" продажной прессы, думаю, никогда не привьется. Слишком „обло и озорно" внутреннее содержание страны. В провинции настроение менее определенное, но очень много слез и нищеты. Войну терпят, но она не популярна» (Социал-демократ. 1914. № 35. 29 нояб. / 12 дек.).

[6] Юрий Михайлович *Стеклов* (Ю. Невзоров, наст. фамилия Нахамкис) (1873—1941) — участник революционного движения в России, историк, публицист, советский государственный деятель. Был участником революции 1905—1907 гг., в 1910 г. выслан за границу. В эмиграции сотрудничал в большевистских изданиях. В 1914 г. вернулся в Россию, в годы войны занимал позицию революционного оборончества, от которой позднее отказался. Участник Октябрьской революции, с 1917 по 1925 г. редактор газ. «Известия ВЦИК».

[7] Сразу после начала первой мировой войны многие лидеры и видные деятели социал-демократических партий в Европе (Э. Вальян и Ж. Гед во Франции, Г. Гайндман в Англии, К. Каутский в Германии, Л. Биссолати в Италии, Плеханов и Маслов в России) повели шовинистическую линию, каждый призывая к защите своего «отечества». Лидер бельгийской рабочей партии Э. Вандервельде вошел в 1914 г. в состав буржуазного правительства своей страны, уговаривал русский народ «выполнить свой долг» (Социал-демократ. 1914. № 33. 19 окт. / 1 нояб.). Русские «ликвидаторы» в п. Вандервельде одобрили поведение социал-демократов Франции, Бельгии и Англии, называя их по-прежнему «славным авангардом международного пролетариата» (Социал-демократ. 1914. 22 нояб. / 5 дек.). Парламентская фракция немецких социал-демократов почти единогласно голосовала за кредиты на войну. Лишь 28 августа / 10 сентября 1914 г. было опубликовано заявление К. Либкнехта, Ф. Меринга и К. Цеткин, в котором они отмежевывались от большинства социал-демократической фракции в немецком парламенте. Во время вторичного голосования военных кредитов в ноябре 1914 г. К. Либкнехт оказался единственным, кто из социал-демократических депутатов проголосовал против (Социал-демократ. 1914. № 30. 29 нояб. / 12 дек.). Измена лидеров международной социал-демократии идеям интернационализма и рабочей солидарности тяжело отражалась на настроениях рабочих. Как сообщал упомянутый выше рабочий корреспондент, «в такое время угнетающе действовала на настроение измена немецких с.-д. Дело в том, что хотя мы все были настроены интернационально, но в нашей пропаганде мы не имели возможности опереться на факты интернационализма рабочих Австрии и Германии. Их поведение развязало руки робким элементам и русским оппортунистам и вышибло почву у нас, рабочих б⟨ольшеви⟩ков, из-под ног. Вести о том, что наши парижские б-ки ушли в войска, „беседы“ женевского старичка Плеханова и вся ситуация немало также омрачали наши головы» (Социал-демократ. 1914. № 35. 29 нояб. / 12 дек.).

Горький болезненно реагировал на происходящее. В п. М. Ф. Андреевой от 9/22 сентября 1914 г. он писал, в частности: «Товарищи с.-д. в Берлине хвастаются, что треть немецкой армии состоит из социал-демократов, то есть целые дивизии „товарищей“. Товарищи в Париже, Риме, Лондоне, Брюсселе — знают это. Товарищ Жан изувечит товарища Ганса — как они встретятся потом, как можно говорить об интернационализме интересов демократии?

Интернациональный социализм — убит. Мы вступаем в эпоху социализма национального. Идея побеждена имуществом. Все это так огромно, так жутко, что не находишь слов выразить даже сотую ⟨долю⟩ тех тяжелых ощущений, которые всего лучше выражаются, пожалуй, словами — мировая катастрофа, крах европейской культуры» (*Андреева*. С. 277).

[8] Лидеры правого крыла германской социал-демократии Гуго *Гаазе* (1863—1919) и Филипп *Шейдеман* (1865–1939) не раз на свои запросы в парламенте относительно военных приготовлений Германии получали от рейхсканцлера Теобальда *Бетман-Гольвега* (1856—1921) успокоительные заверения и выражали удовлетворение ими. Однако сразу после объявления войны, 22 июля / 4 августа 1914 г. Гаазе выступил в рейхстаге с обоснованием положительного голосования его партии по вопросу о предоставлении правительству военных кредитов.

В *АГ* хранится горьковская коллекция газетных вырезок, в которой заметки о войне составляют целый раздел, многие из них испещрены пометами и подчеркиваниями писателя. Среди них заметка: «Германские с.-д. и война», в которой сообщалось: «Гаазе указал, что существование Германии связано с уничтожением русского абсолютизма ⟨...⟩ и что для осуществления этой задачи соц.-демократы окажут полную поддержку правительству ⟨...⟩». Далее в той же заметке указывалось, что Гаазе «вотировал 5 миллиардов Вильгельму II на разгром воюющих государств» (Речь. 1914. № 212. 10/23 авг. // *АГ*).

[9] 29 сентября / 12 октября 1914 г. Горький сообщал сыну Максиму: «Вот тебе — новость, воин! Я — санитаром, ты — солдатом, теперь следует бабушку назначить в артиллерию, мать — авиаторшей, и все будет в порядке! На меня все нападают газетчики, желая, чтобы я „высказался о войне“, а я — молчу, так они сами за меня высказываются» (*Арх. Г.* Т. XIII. С. 144). К этому письму Горький приложил газетную вырезку, озаглавленную «Семья Максима Горького в Одессе». В ней собщалось: «Между прочим, г. Пешков-сын считает сообщение, проникшее в иностранную печать, о решении Горького отправиться санитаром на войну,— неправдоподобным» (Там же). К этому же письму сыну была приложена еще одна вырезка из газеты: «Ниццский корреспондент миланской газеты „Secolo“ сообщает, что сын Максима Горького пошел добровольцем во французскую армию, поступил в полк, стоявший в Ницце, и просил послать его на передовые позиции» (Там же). В данном случае речь шла о крестнике Горького, З. А. Пешкове, который действительно пошел добровольцем во французскую армию. 16/29 октября 1914 г. Горький писал Е. П. Пешковой и М. А. Пешкову: «Из Неаполя сообщают слух, что будто Зиновий сломал себе ногу ⟨...⟩ Оказывается, это о нем писали итальянские газеты, а я думал, о Максиме» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 163). Немного позже одна из газет писала о сыне Горького: «В газетах появилось сообщение, перепечатанное из итальянской газеты „Secolo“, о том, что сын Горького будто бы записался добровольцем во французскую армию и уже отправлен на передовые позиции. Сын Горького, ученик VI класса реального училища Фидлера в Москве, живет со своею матерью в Москве и не собирается ни на какие передовые позиции» (Биржевые ведомости. 1914. № 14548. 11/24 дек.).

[10] 14/27 сентября 1914 г. в утреннем выпуске газ. «Биржевые ведомости» (№ 14372) было опубликовано от имени Горького подложное «патриотическое» «Письмо Ф. И. Шаляпину». «Эта война,— утверждалось в нем,— меня точно переродила. Раньше я всегда был горячим противником войны, готов был принести все свои силы на то только, чтобы предотвратить всякую войну. Но теперь ⟨...⟩ свою грязную, окровавленную лапу немцы наложили на священнейшие места. Где побывали они — там трава не растет. И все это разрушение и вандализм только потому, что в них нет и тени той культурности, которой они так часто и кичливо хвастались». Письмо заканчивалось признанием необходимости всеми силами помогать «нашим солдатам, нашим седым, могучим богатырям». Как выяснилось, письмо было написано сотрудником этой газеты Берманом. 16/29 сентября 1914 г. на страницах газ. «День» (№ 251) появилось опровержение Горького по поводу этого письма: «Газета „Биржевые ведомости“ опубликовала письмо, написанное якобы мною Ф. И. Шаляпину; письмо это перепечатано и ⟨...⟩ в № 250 газеты „День“. Позвольте оповестить ⟨...⟩ что письма, приводимого „Биржевыми ведомостями“, я не писал ни Ф. И. Шаляпину, ни кому-либо иному. Надеюсь, что „Биржевые ведомости“ позаботятся объяснить эту шутку».

[11] Беспокоясь о судьбе культурных ценностей Европы и под влиянием ошеломившего всех сообщения об артиллерийском обстреле немецкими войсками Реймского собора, Горький подписал 27 сентября / 10 октября 1914 г. составленное Буниным обращение «От писателей, художников и артистов», в котором осуждался вандализм «германцев в этой кровавой брани народов». Авторы письма обвиняли немцев в том, что те вызвали братоубийство, уничтожают величайшие ценности «ради несбыточной надежды владычествовать в мире насилием» (Русские ведомости. 1914. № 223. 28 сент. //11 окт.). Письмо подписали академики Арсеньев, Бунин, А. Веселовский, Овсянико-Куликовский, литераторы Телешов, Фриче, Струве, Горький, Найденов, Серафимович, Скиталец, художники Архипов, А. Васнецов, В. Васнецов, Коровин, артисты Ермолова, Вл. Немирович-Данченко, Станиславский и мн. др.

Подпись Горького под этим обращением вызвала тревогу В. И. Ленина и побудила его выступить со ст. «Автору „Песни о Соколе“». Ленин писал: «С болью в сердце прочтет каждый сознательный рабочий подпись Горького, наряду с подписью П. Струве, под шовинистски-поповским протестом против немецкого варварства ⟨...⟩

Но Горького рабочие привыкли считать своим. Они всегда думали, что он так же горячо, как и они, принимает к сердцу дело пролетариата, что он отдал свой талант на служение этому делу.

Потому и пишут Горькому приветствия, потому и дорого им его имя. И это доверие сознательных рабочих налагает на Горького известную *обязанность* — беречь свое доброе имя и не давать его для подписи под всякими дешевенькими шовинистскими протестами, которые могут ввести в заблуждение малосознательных рабочих. Им самим еще не под силу разобраться во многом, и их может сбить с пути имя Горького. Имя Струве никакого рабочего не собьет, а имя Горького может сбить» (*В. И. Ленин*. Т. 26. С. 96—97).

[12] См. п. 1, прим. 5.

[13] Не разыскано.

4. ВОЙТИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

⟨Иркутск. 9 ноября 1914 г.⟩

Дорогой товарищ Алексей Максимович!

Невозможность осуществить в Питере мой литературный план не слишком огорчила меня. 1. Это *пока* невозможно, но времена скоро изменятся. 2. Я не теряю надежды выпустить кое-что в Питере (через Ясного) [1]. 3. Если Питер для нас закрыт, сделаем, что в наших силах, здесь, в Сибири.

Ваше письмо порадовало и меня, и моих товарищей и друзей как доказательство, что Ваша личная точка зрения на события близка с нашей точкой зрения. При тех нитях, к⟨отор⟩ые связывают нас с Вами, при том уважении, к⟨отор⟩ое мы питаем к Вам, выяснение этой близости между Вашими и нашими взглядами было нам очень ценно.

О лазарете я узнал из газет (из «Р⟨усского⟩ сл⟨ова⟩», если не ошибаюсь) [2]. Версии о Вашей санитарской службе я до Вашего письма верил. Если это анекдот,— то тем лучше. Хотя — каюсь — я лично при нынешних условиях охотно пошел бы в санитары (это мое настроение встречает полное осуждение и резкое порицание со стороны Рожкова и Церетели).

Приписанное Вам биржевыми жуликами письмо к Шаляпину в свое время очень огорчило нас, но через 2 или 3 дня дело выяснилось. Отмечу, впрочем, что местные газеты гораздо охотнее перепечатывали подложное письмо «Биржевки» [3], чем Ваш ответ на него.

Настроение здесь не плохое. О шовинизме среди рабочих в настоящее время и говорить не приходится. Среди интеллигенции (особенно народнического направления) в начале войны были большие шатания, но теперь и здесь настроение выравнивается.

Мне пришлось беседовать на текущие темы со многими, пришлось даже не раз выступать публично перед смешанной аудиторией в 2—3 сотни человек. При публичных высказываниях я лишь один раз встретил резкую оппозицию. Но аудитория в этом случае была на моей стороне (оппонентов зашикали, а меня проводили овациями).

Это — штришок к характеристике здешних веяний.

В ближайшем времени мы (Рожков и я) думаем приступить к изданию еженедельного журнальчика (16 стр. в 2 столбца), посвященного текущим событиям. Издание будет держаться в цензурных рамках и по своему типу будет приближаться к периодическим (или непериодическим) сборничкам статей [4].

У меня большая просьба к Вам: примите участие в нашем изд⟨ании⟩ присылкой какого-нибудь рассказика, очерка или заметки [5]. Хорошо, если бы Вы дали нам что-нибудь, связанное с войной или с теми «юными силами», которые зреют под бурей.

Ваше участие не только облегчило бы нам изд⟨ание⟩ в материальном отношении, но и лишило бы журнальчик специфически местного значения, привлекло бы к нему внимание более широких кругов населения.

Я очень прошу Вас: если Вы согласитесь участвовать в журнале, телеграфируйте мне об этом и в той же телеграмме сообщите заглавие вещи, к⟨отор⟩ую можете дать в 1-й №.

Обращаюсь к Вам с этой просьбой, т. к. по Вашему письму чувствую, что Вам тяжело и противно среди каннибальского визга столичных газет. Вероятно, поэтому Вы и пишете так мало в последнее время [6]. А у нас, при всей мизерности нашего журнальчика, Вы будете среди друзей, переживающих события одинаково с Вами и любящих Вас.

С лучшими пожел⟨аниями⟩ жму руку.

Вл. В.

Жандармская, 32.
9 ноября 1914 г.

[1] Имеется в виду брошюра Войтинского «В дни мирового пожара» (см. п. 2, прим. 10). Михаил Абрамович *Ясный* — владелец петербургского изд-ва М. В. Попова.

[2] В газ. «Русское слово» за август—сентябрь 1914 г. объявления об устройстве Горьким военного лазарета обнаружить не удалось.

[3] Петербургская газ. «Биржевые ведомости».

[4] Речь идет о еженедельном «Сибирском журнале» (см. предисл. к переписке). Первый и единственный номер его вышел в Иркутске 10 декабря 1914 г. В целях конспирации почти все статьи были напечатаны под псевдонимами. Программа «Сибирского журнала» была сформулирована в редакционной передовице, написанной Войтинским. «Война,— говорилось в ней,— проникла во все области нашей жизни. Война создала новые группировки общественных сил, поставила на очередь новые задачи ⟨...⟩ Экономическая жизнь страны, взаимоотношения России и других стран, таможенная политика, государственный бюджет и налоги, национальный вопрос, рабочее движение, положение печати, положение школы — все эти вопросы неразрывно связаны с вопросом о войне ⟨...⟩ Над выяснением этих вопросов, вопросов внутреннего обновления, хотел бы работать „Сибирский журнал“». Большой заслугой журнала было выяснение на его страницах истинной — классовой, империалистической, а отнюдь не «освободительной» — сути той войны, которую вела Россия. «Нынешняя война,— говорилось в заметке „Голоса печати“,— поскольку речь идет о России — имеет целью защиту нашей промышленности, нашего капитализма, нашей буржуазии. Ее задачи разрешаются на полях сражений. И поэтому именно буржуазные круги являются в настоящее время главным очагом воинственного азарта». В номере были напечатаны следующие ст.: «Начало итогов войны» Воина, «Война и интернационал» Квирильского, «Все против всех» И. Новицкого, «Война и хозяйство России» Нарова, «Война и рабочая самопомощь» Стеллина, «Рабочее движение в Прибалтийском крае» Де-Р., «Борьба с дороговизной» Ю. В., «Литературные наброски» Н. Чужака. Завершали журнал разделы «Из местной профессиональной жизни» и «Корреспонденция».

Войтинский позже рассказывал об истории создания этого журнала: «Сборнику решили придать форму 1-го № журнала, составляя его так, чтобы заранее идти на конфискацию и закрытие. Кстати, у нас было готовое разрешение на еженедельный „Сибирский журнал“, взятое на имя одной партийной работницы И. Ф. Тарадановой, выразившей заранее готовность сесть в тюрьму после 1-го №. В редакцию вошли Церетели, Рожков и я, но Рожков вскоре уехал в Читу, и выпуск № оказался на нас двоих. В 1-й № дали статьи: Церетели, Рожков, Вайнштейн, Вайнберг, Чужак и я. Я написал редакционную передовицу, статью о международном положении под заглавием „Все против всех“ и еще несколько заметок. Рожков писал о внутреннем положении России. Чужак дал блестящий разбор военной ура-патриотической поэзии. Но гвоздем № явился фельетон Церетели („Квирильского“), посвященный тактике социалистического Интернационала ⟨...⟩ Заслуга выработки программы „Сибирского журнала“ принадлежала главным образом Церетели ⟨...⟩ А на мне лежала организация издания и литературное редактирование журнала ⟨...⟩ Журнал имел огромный успех и обратил на себя внимание не только в России, но и в интернационалистически настроенных кругах социал-демократической эмиграции в Европе. Само собой разумеется, что № был тотчас же конфискован, против редактора-издательницы И. Ф. Тарадановой было начато преследование, и сама она была арестована» (*Войтинский Вл.* Годы побед и поражений. Кн. 2. С. 393—394, 395, 396).

[5] Горький не принял участия в «Сибирском журнале».

[6] Войтинский ошибался: Горький в это время очень интенсивно работал. «Я работаю на всех парах»,— писал он сыну 29 сентября / 12 октября 1914 г. (*Арх. Г.* Т. XIII. С. 144). В октябре писатель закончил работу над второй частью автобиографической трилогии — повестью «В людях» — и приступил к ее переработке. Кроме того, он выразил свое отношение к войне в ряде публицистических выступлений: «Воззвании к населению», трех статьях цикла «Несвоевременное» и ст. «Две души». В этих произведениях, написанных почти одновременно осенью 1914 г., Горький называл войну «мировой катастрофой», категорически осуждал шовинизм, напоминал о благородной идее братства народов, взывал к чувству солидарности. «Воззвание к населению» было напечатано 20 ноября 1914 г. в газ. «Киевская мысль» и «Киевлянин», цикл «Несвоевременное» из-за цензурных условий не увидел света, ст. «Две души» Горькому удалось опубликовать лишь в декабре 1915 г. в журн. «Летопись». Там же в течение всего 1916 г. печаталась повесть «В людях». Подробнее см.: *Овчаренко А.* Публицистика М. Горького. М., 1961. С. 344—348.

5. ГОРЬКИЙ — ВОЙТИНСКОМУ

⟨Мустамяки. 30 ноября/13 декабря 1914 г.⟩

Дорогой товарищ,

не мог своевременно ответить Вам, ибо пять недель не был дома, вернулся лишь вчера. Не умею завидовать, но Вашему настроению, кажется, завидую, хотя и склонен объяснять его тем, что Вы живете, так сказать, за околицей жизни,— разумею жизнь истинно русскую, болотистую, насыщенную запахами гниения и разложения. Конечно — и на болоте молодые березы растут, но трудно им и не крепки они.

«Сил, которые растут под бурей» — Ваше выражение [1] — я пока не вижу, но вижу, как развращаются и распыляются те силы, которые сложились до начала бури. Мои впечатления от поездки сложились отвратительно, обиднее всего то, что хорошие люди ныне живут слепо и неосведомленно. Нет книг, которые бы с достаточной простотою изъясняли истинные причины войны,— кроме книги Павловича [2] ничего нет. Для

массы эта книга незнакома и трудна, и естественно, что люди ищут ответов на свои вопросы в полуумной прессе, развращенной национал-идиотизмом [3]. Это одинаково для Киева, Москвы, Питера. Добавьте сюда резкое обострение националистических чувств.

На западе — непримиримые отношения между евреями и поляками [4], в Киевщине и Подолии то же самое между украинцами и «державной народностью» [5], а на Кавказе начинается открытая и жестокая «политика» между армянской буржуазией и грузинским дворянством. Армяне, видимо, рассчитывают занять на Кавказе по отношению к татарам и грузинам роль «цивилизующего начала», т. е. [роль] позицию пособников за совесть политике великорусской. Все это не может не отравлять людей, близких нам.

Москва является центром, где ныне усердно строят идеологию будущей национал-либеральной партии [6], партии, которая будет основоположницей глубочайшей общественной реакции. Идут разговоры о духовном слиянии «Великой России» со «Святой Русью» [7], о мистических началах национализма [8], о мессианизме третьего Рима [9], о том, что Русь — носительница истинной культуры и ныне спасает Европу от оков ложной цивилизации [10]. Травля немцев носит совершенно сумасшедший характер, хотя националисты оперируют идеями Фихте, Шеллинга, Шлейермахера [11]. «Хотя» — неуместно, но оно должно показать, до чего истинно русская мысль бедна творчеством.

Касается ли все это широких масс? Да, касается. Война почти популярна в чайных, в дешевых трактирах и на улице, популярна потому, что немец — мастер на фабрике, инженер, директор; немец — управляющий имением, полицейский, чиновник, генерал. Немец вообще более ловок и умен, чем русский, а мы, Русь, любуясь ловкими и умными людьми,— не любим их. Во всем этом безобразии хуже всего то, что демократия живет Робинзонами, без связей друг с другом, без возможности связей. В Киеве рабочие принесли мне чудесно написанный адрес, такие милые, крепкие слова написаны в нем, я был тронут едва не до слез [12]. Но несколько бесед с авторами адреса обнаружили очень грустные вещи: полная неосведомленность о причинах войны, убеждение, что война начата Германией, недоверие к факту, что Германия неизбежно должна была начать войну, была вызвана к войне, непонимание роли Англии и вообще наших «союзников», главное же — полное незнакомство с жизнью германских товарищей в наши дни. Это — самое отчаянное, самое запутанное.

О питерских событиях Вы знаете, по этому поводу Вам послано, с оказией, письмо [13], получив — известите.

Дела — бесстыдно много, делателей же — нет, а они крайне необходимы в эти дни преобладания эмоции над разумом, никогда еще они не были так необходимы!

Шовинистическое настроение заметно понижается, но — не радуйтесь, понижение идет в сторону безразличия. Это — у интеллигенции, настроенной критически, т. е. у меньшинства, большинство же тянется за Струве и «Биржевкой», за Булгаковым и «Утром России». Общественное мнение создают именно эти органы при помощи языков и перьев Вяч. Иванова, Булгакова, Эрна, Л. Андреева, Струве и прочих, имя же их — легион. Все вчерашние анархисты ныне патриоты и государственники.

Противно, как в помойной яме. Пожалуйста, пошлите мне журналы [14]. Писать — не обещаю, ибо занят по уши и скоро должен буду уехать на Русь, по провинции.

Кланяюсь Н⟨иколаю⟩ А⟨лександровичу⟩ [15], Вам и всем добрым людям, не потерявшим головы. Книг нужно, брошюр по вопросам об экономических интересах всех воюющих государств [16]. Это положительно необходимо.

Будьте здоровы!

А. Пешков

Все письма на Финляндию распечатываются военной цензурой. Пишите: Петроград, Лесной, Гонорин переулок, дом № 1-й, И. П. Ладыжникову для А. М. Пешкова.

Датируется на основании фразы «вернулся лишь вчера». Горький вернулся в Мустамяки (Финляндию) из поездки в Киев, Москву и Петроград 29 ноября / 12 декабря 1914 г.

[1] См. п. 4.

[2] *Павлович М.* Великие железнодорожные и морские пути будущего. СПб., 1913.

[3] В горьковской коллекции газетных вырезок о войне — статья Л. Андреева «Торгующим во храме» о «предательстве» Болгарией России, заметка В. Регинина «„Во имя бога!“ Автор „Поединка“ о нынешнем офицерстве. (Встреча с поручиком Куприным)», описывающая военно-патриотические чувства Куприна; стихотворение Ф. К. Сологуба «Дух Берлина», обвиняющее в мещанстве всю немецкую нацию; статья П. Б. Струве «Карл Маркс и восточный вопрос», приписывающая вождю мирового пролетариата пангерманистские идеи и др. (Биржевые ведомости. 1914, № 14470, 14482, 14526, 14540, 2, 8. 30 нояб. 7 дек.).

[4] В мае 1915 г. Горький писал ссыльному С. В. Малышеву: «Вы не можете представить, что теперь делают с еврейским населением Польши! Уже выслано до полумиллиона, высылали по 15, 20 тысяч — все еврейское население города — в 24 часа! ⟨...⟩ Говорят, что массовое обвинение евреев в измене, предательстве вызвано желанием объяснить наши военные неудачи и затушевать действительное предательство Мясоедовых и К°. Я думаю — иначе: антисемитизм пропагандируется, как я уже писал Вам,— в целях разбить оппозицию на еврейском вопросе. Пропаганда ведется успешно. Жить — стыдно» (*XXIX*, № 686).

[5] В коллекции газетных вырезок Горького имеется вырезка из газ. «Биржевые ведомости» за 6/19 декабря 1914 г. (№ 14538), отражающая обострение национального вопроса на Украине во время первой мировой войны. В ст. «Новые споры по украинскому вопросу» ее автор М. И. Чубинский резко критиковал шовинистические выступления П. Б. Струве, возвестившего «русскому обществу необходимость борьбы с украинским движением», отрицающего тот факт, что «в пределах Российской империи малороссская стихия сложилась в национальность» и предлагающего отнестись к «малороссским „тенденциям“ без всяких сентиментальностей и поблажек». Рядом была напечатана статья Струве «Ответ моим оппонентам», в которой приводились факты украинского национализма. В частности, в ней упоминалось о статье галицко-украинского депутата Левицкого, проповедующего раздел России с целью основания «самостоятельной Украйны», и приводились слова из воззвания «Украинской головной рады» к украинскому народу: «Во имя блага и будущности украинского народа единодушно и решительно стать на сторону Австро-Венгрии против Российской империи, как величайшего врага украинского народа».

[6] Среди газетных вырезок Горького имеется ст. П. Струве «Национальное начало в либерализме», в которой очень ярко отразилась тенденция перехода русских либералов на позиции национализма и великодержавного шовинизма. По мнению Струве, современная эпоха характеризуется «слиянием или спайкой, которая в ней происходит, между началом национальным и либеральным». На основе этого сближения, продолжает автор, «обозначаются новые возможности образования в политической области. Русский либерализм станет национальным, не только фактически, но и сознательно опирающимся на русскую национальную стихию ⟨...⟩ Россия есть Империя с национальным ядром (русским), неоспоримо первенствующим. Россия не просто национальное государство вроде Франции и Германии, а именно национальная Империя ⟨...⟩ Русская национальность в этой национальной Империи есть не только первенствующий, но и скрепляющий элемент, волевой центр. Вот почему в России либерализм для того, чтобы быть сильным, не может не быть национальным. В национализации русского либерализма есть историческая необходимость» (Биржевые ведомости. 1914. № 14540. 7/20 дек.).

[7] Здесь и далее Горький излагает основные положения шовинистических статей философов, писателей и публицистов кадетского толка — Петра Бернгардовича *Струве* (1870—1944), Сергея Николаевича *Булгакова* (1871—1944), Владимира Францевича *Эрна* (1882—1917) и др. В основу большинства этих статей легли доклады, прочитанные на заседании религиозно-философского Общества памяти Вл. Соловьева в Москве 6 октября 1914 г. Хотя напечатаны они были в декабрьском номере журн. «Русская мысль», содержание их, вероятно, стало известно Горькому гораздо раньше.

В данном случае речь идет о ст. Струве «Великая Россия и святая Русь», автор которой утверждал, что «союз Великой России и святой Руси» — это «слияние силы и правды», и осуществляется оно «на полях брани и смерти», в «русской грозной армии» (Русская мысль. 1914. Кн. 12, разд. 2. С. 180).

[8] См., напр., ст. русского поэта-символиста Вяч. Иванова «Вселенское дело», в которой утверждалась мистическая, вселенская, божественная миссия России в

войне, а Германия объявлялась носительницей «духа Антихриста»: «Принуждением божественного промысла подвигнутая, взялась она ⟨Россия.— *Н. П.*⟩ за меч земной, за подвиг обороны своих и дружных очагов, и вверенных ей святынь...» (Там же. С. 98).

[9] Так, напр., А. С. Изгоев в ст. «На перевале» писал: «Если усилиями России будет повален колосс германского империализма ⟨...⟩ культурно-историческая „миссия" России ни в ком не будет возбуждать сомнений ⟨...⟩ Как самая могущественная часть славянского племени, русская народность естественно становится вождем всего славянства, его духовным центром и прибежищем» (Русская мысль. 1914. Кн. 8/9, разд. 2. С. 165).

[10] Наиболее отчетливо подобные идеи были выражены в статье Булгакова «Русские думы». Автор утверждал в ней, что европейская цивилизация переживает глубокий экономический и духовный кризис, и противопоставлял ей молодую, полную сил Россию, которая «историческим подвигом своим призвана духовно возродить и себя, и стареющую Европу. Никогда еще,— продолжал Булгаков,— со времен московских, когда Русь впервые ощутила себя наследницей погибшей Византии, не ставился с такой остротой и силой этот вопрос» (Русская мысль. 1914. Кн. 12, разд. 2. С. 115).

[11] Иоганн *Фихте* (1762—1814), Фридрих *Шеллинг* (1775—1854), Фридрих *Шлейермахер* (1768—1834) — представители немецкой классической философии.

Напр., Эрн в ст. «От Канта к Круппу», оперируя идеями Канта, Фихте, Гегеля, доказывал, что практика современного германского милитаризма была подготовлена немецкой классической философской мыслью, утверждал, что существует связь между «зверскими проявлениями германской культуры» и «самыми глубокими ее принципами», определяемыми немецкой философией (Там же. С. 117, 124). Кн. Е. Трубецкой в ст. «Война и мировая задача России» также упрекал немецких философов в высокомерном презрении к другим нациям: «Еще великий Фихте сказал, что немцы — „соль земли". Они одни — носители мирового смысла, представители Я среди народов» (Там же. С. 94).

[12] Горького посетила делегация киевских профсоюзов и вручила ему приветственный адрес: П. Дегтяренко и Крейсберг от металлистов, А. Витковский от деревообделочников, С. Абрамов от кожевников, Григорьев от портных, Г. Вейнберг от комитета большевиков и один представитель от рабочих-шапочников и шляпниц. После вручения адреса состоялась беседа, в ходе которой Горький пытался узнать, как живут киевские рабочие, что они думают о войне. Сам он, по свидетельству Дегтяренко и Витковского, отрицательно отозвался о войне, познакомил рабочих с точкой зрения В. И. Ленина на деятельность II Интернационала, обещал помочь в налаживании связи между киевскими и петербургскими большевиками» (Киевский пролетарий. 1928. № 75. 29 марта).

[13] Вероятно, имеется в виду арест 6/19 ноября 1914 г. большевистской пятерки членов IV Государственной думы: А. Е. Бадаева, Г. И. Петровского, М. К. Муранова, Ф. Н. Самойлова и Н. Р. Шагова за участие в состоявшейся 2—4/15—17 ноября 1914 г. в Озерках под Петроградом конференции социал-демократических организаций Петрограда, Иваново-Вознесенска, Риги, Харькова и др. На конференции обсуждался вопрос об отношении к войне (Социал-демократ. 1914. № 34. 22 нояб. / 5 дек.). Арестованные были обвинены в «государственной измене» на том основании, что у них при аресте были отобраны написанные В. И. Лениным тезисы «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне» и манифест ЦК РСДРП «Война и Российская социал-демократия». Суд над представителями российского пролетариата состоялся 10—13/23—26 февраля 1915 г. Обвиняемые открыто провозгласили лозунги большевиков против войны. Они были приговорены к вечной ссылке на поселение в Туруханский край. См.: Социал-демократ. 1915. № 40. 19 марта. См. также: День. 1915. № 40. 14/27 февр. См.: *Бадаев А.* Большевики в Государственной думе. М., 1941. С. 350—426.

[14] См. п. 4, прим. 4.

[15] Н. А. Рожков.

[16] В это время у Горького зародилась мысль выпустить две серии брошюр. В одной должны были раскрываться экономические интересы воюющих государств, а тем самым и истинные причины войны, в другой — рассказываться о жизни европейского пролетариата. Горький набросал примерный план серии брошюр на тему «Европа до и во время войны»: 1) «Государства Западной Европы перед войной», 2) «Современная жизнь и роль финансового капитала в ней», 3) «Германия накануне войны», 4) «Англия накануне войны», 5) «Франция накануне войны», 6) «Роль Азии и Африки в общеевропейской войне», 7) «Быт западноевропейских рабочих» (*Арх. Г.* Т. XIV. С. 131). В проспектах этих брошюр Горький намечал основные причины, вызвавшие войну, рассматривал ее со стороны всех воюющих государств как войну захватническую, грабительскую, служащую интересам финансового капитала. 20 сентября 1915 г. он обратился к М. Н. Покровскому с просьбой просмотреть проспекты и найти авторов для написания брошюр (*Арх. Г.* Т. XIV. С. 130). Покровский привлек к работе видных марксистов Луначарского, Л. Владимирова, М. Павловича, В. Керженцева. Написание основной брошюры — о роли финансового и промышленного капитала в современной жизни — взял на себя В. И. Ленин. 2 июля 1916 г. он отправил Покровскому рукопись брошюры «Империализм, как высшая стадия капитализма» (*В. И. Ленин.* Т. 49. С. 256—259). Покровский переправил рукопись в Петроград Горькому. В сентябре 1917 г. книга под заглавием «Империализм, как новейший этап капитализма» вышла в свет в руководимом Горьким издательстве «Парус». Из-за трудностей военного времени серия не была осуществлена полностью, однако главная ее книга была написана.

6. ВОЙТИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

⟨Иркутск.⟩ 19 декабря 1914 года

Дорогой товарищ!

Ваше письмо вызвало у меня скорбное чувство. Но мне кажется, что не все обстоит так окончательно плохо, как изображаете Вы.

Ведь Россия необъятно обширна, жизнь бесконечно сложна и разнообразна в своих проявлениях. И никогда в результате объезда десяти городов и беседы хотя бы с тысячью человек нельзя делать окончательные выводы.

Читатели наших уличных газет — действительно гнусных до последней степени — еще не вся Россия. Остается еще многомиллионный слой, живущий вне сферы воздействия газет. С этим слоем Вы знакомы лучше, чем я. Остается еще значительный слой, настроенный определенно враждебно к господствующему настроению. С людьми этого слоя мне приходится часто встречаться. Остается, наконец, достаточно людей, не спустивших в наши дни наше знамя.

Что в Сибири дело обстоит именно так, за это я ручаюсь. Но не иначе обстоит дело и в России.

Сегодня просматривал я 1-й томик «Русск⟨их⟩ запис⟨ок⟩» [1]. Прекрасный, культурный и честный журнал. Откиньте пару неважных статей,— остальное превосходно. Так ведь не исчез круг читателей этого журнала! И я имею точные сведения, что для этого круга читателей журнал слишком умерен, нерешителен, слишком слабо отграничен от господствующего течения.

А «Соврем⟨енный⟩ мир»? Разве клоунада Иорданского не вызывает недоумения и негодования среди читателей? [2]

То же самое можно сказать и про массового читателя «Современника» [3].

Журналы и газеты не отражают все лицо страны. Левая половина лица остается в тени.

Я послал Вам по почте 1-й № «Сибирского журнала» [4]. Просмотрите его. Имейте в виду, что мы писали, приноровляясь к цензуре (хотя все же не избежали конфискации с привлечением по 129 ст.) [5]. № имел успех. Но никто не упрекал журнал в недостатке патриотизма.

Я уверен, что, не будь налицо независящих обстоятельств, половина газет заговорила бы в этом же тоне.

Вы пишете, что в России мало знают о причинах и природе войны, что нет подходящих книг. Последнее зло устранить нетрудно: нужно написать требуемые книги, издать их и пустить в [оборот] продажу. Это можно сделать даже в рамках предварительной цензуры. Во всяком случае, можно в том или другом виде поставить издательство за Уралом (напр., в виде отдельных брошюр, являющихся №№ еженедельного, двухнедельного или месячного журнала; причем каждый № может представлять собой либо отдельный очерк одного автора, либо собрание связанных между собою статей).

Нужно работать, работать и работать!

Историческая волна катится не мимо нас и не через наши головы. Нашего слова ждут, и оно должно быть сказано.

Простите, дорогой товарищ, что я напоминаю Вам об этом,— Вам, у которого я, как и все мое поколение, черпал силы, учился десять лет тому назад.

Но мне кажется, что именно *Вы* могли бы расширить работу, к⟨оторую⟩ *мы* (Н⟨иколай⟩ А⟨лександрович⟩ [6] в том числе) ведем здесь в Иркутске. Вы могли бы придать этой работе всероссийский размах. Как это сделать — Вам должно быть виднее. Но я очень прошу Вас — подумайте, как осуществить издание и распространение намечаемых Вами книг. А затем повторяю свою старую просьбу прислать нам что-нибудь для журнала [7] (хотя бы очерк Ваших наблюдений, по размеру и по характеру не отличающийся от простого письма).

С горячим приветом жму руку.

Вл. Войтинский

[1] Из-за цензурных условий редакция журн. «Русское богатство» вынуждена была изменить его заглавие (см. подробнее п. 3, прим. 2). В ноябре 1914 г. журнал вышел под названием «Русские записки» (№ 1). Ознакомившись с ним, Горький писал Е. П. Пешковой: «Вышло Рус⟨ское⟩ бог⟨атство⟩, интересная книжка» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 163). Первый номер «Русских записок» продемонстрировал верность позициям прежнего журнала. Хотя имя В. Г. Короленко пришлось снять с обложки как имя редактора и издателя, однако на первых страницах было напечатано его произведение «С двух сторон. Рассказ моего знакомого» (новая редакция). В составе редакции журнала остались прежние сотрудники. Статьи, посвященные военным событиям, пестрели отточиями на месте цензурных купюр. Особенно много их было в ст. С. Елпатьевского «Германия превыше всего». После поставленного автором статьи вопроса «Кому нужна война?» почти на треть страницы шел цензурный пропуск, а на вопрос «Как это случилось?» Елпатьевский отвечал: «Неимоверно росшие расходы на вооружение во всех странах все тяжелее давили на плечи народов и не могли не привести к конфликту». Авторы статей о войне пытались доказать, что дело не в борьбе «германства» со «славянством», а в экономических государственных противоречиях, которые и вызвали войну. Однако стремление к объективности сочеталось у них с непоследовательностью, нетвердостью позиций. В той же статье утверждалось, напр., что именно немцы начали войну, что жестокость является характерной чертой немецкой национальности и т. д.

[2] См.: Г—СМ. До начала первой мировой войны в журн. «Современный мир» печатались В. И. Ленин, Воровский, Ольминский и другие видные большевики, Горький. Однако в начале войны позиция журнала, которую определял прежде всего Плеханов, исходивший из того, что экономические и политические последствия военного поражения России «вредны будут для нашего освободительного движения» (О войне // Современный мир. 1915. № 1. С. 202), заставила большевиков резко отмежеваться от этого органа. Ведущие публицисты журнала Плеханов, Иорданский и Алексинский стали, по определению В. И. Ленина, «открытыми социал-шовинистами, проповедуя желательность поражения Германии» (*В. И. Ленин.* Т. 26. С. 349). Публицистика «Современного мира» отражала в годы войны политическую линию меньшевиков-оборонцев. Подробне см.: *Бережной А. Ф.* Русская легальная периодическая печать в годы первой мировой войны. Л., 1975. С. 112—114, 120, 121; *Скворцова Л. А.* «Современный мир» // Русская литература и журналистика начала XX века, 1905—1907: Большевистские и общедемократические издания. М.: Наука, 1984. С. 118—161.

[3] С марта 1914 г. журн. «Современник» перешел в руки меньшевика Н. Суханова (Н. Н. Гиммера). В качестве соредакторов были привлечены Е. Г. Лундберг и В. Б. Станкевич. Журнал стремился стать объединителем социалистических течений, за что подвергся критике со стороны В. И. Ленина, назвавшего его одним «из наиболее беспринципных интеллигентских журнальчиков» (*В. И. Ленин.* Т. 25. С. 251). Тема войны освещалась «Современником» так, что журнал не раз подвергался цензурным преследованиям. Напр., в 1915 г. цензура возмутилась ст. М. Неведомского «Что сталось с нашей литературой. (О поэзии и прозе наших дней)», в которой отрицательно оценивалось изображение войны в литературе (№ 5). В целом антивоенную, хотя и непоследовательно интернационалистскую, позицию журнала положительно охарактеризовал Горький. В 1915 г. он писал ссыльному С. В. Малышеву: «В⟨оенная⟩ цензура свирепствует бесчинно, ничего нельзя писать. Скоро, кажется, закроют „Современник", единственный журнал, который пытается говорить языком человечьим» (*XXIX.* С. 336). В октябре 1915 г. вышел последний номер журнала. Подробнее см.: *Муратова К. Д.* «Современник» // Русская литература и журналистика начала XX века, 1905—1917: Большевистские и общедемократические издания. М.: Наука, 1984. С. 162—201.

[4] См. п. 4, прим. 4.

[5] 129 ст. Уголовного уложения предъявлялась за призыв к насильственному ниспровержению существующего строя. Обвиненный по этой статье наказывался заключением в тюрьму или исправительный дом на срок не свыше 3 лет, а в особых случаях — каторгой на срок до 8 лет. См.: Свод законов Российской империи. I. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. II. Уголовное уложение. Пг., 1916. Т. XV. С. 502.

[6] Н. А. Рожков

[7] Сразу после запрещения «Сибирского журнала» Войтинский и его ссыльные товарищи начали готовить к выпуску новый журн. «Сибирское обозрение». Войтинский вспоминал об этом: «1 января 1915 г. мы выпустили № 1 нового журнала „Сибирское обозрение". Состав сотрудников был тот же, что в „Сибирском журнале". Но к нам прибавился Дан ⟨...⟩ Темы „Сибирского обозрения" тесно примыкали к темам „Сибирского журнала" и представляли как бы их дальнейшее развитие. „Сибирское обозрение" постигла судьба „Сибирского журнала", № 1 был конфискован и редактор-издательница его Ромас получила год тюрьмы» (*Войтинский Вл.* Годы побед и поражений. Кн. 2. С. 396—397).

Горький в журнале не участвовал.

7. ВОЙТИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

⟨Иркутск.⟩ 2 окт⟨ября⟩ 1915 г.

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Шлю привет Вам.

Только что освободился из тюрьмы, где провел $1\frac{1}{2}$ месяца по весьма фантастическому делу. Местные жандармы вздумали «упечь» меня за мою литературную деятельность в порядке «полицейской расправы» — особый вид суда, применяемый к ссыльным за маловажные преступления (отлучки с места причисления, мелкие кражи, драки по пьяному делу и т. п.). Привлекли к этой затее кого-то из низших чинов прокурорского надзора и убедили иркутского полицмейстера, будто он может своей властью решать литературные дела (по 132 ст. Уг⟨оловного⟩ ул⟨ожения⟩), коль скоро обвиняемым является поселенец. Полицмейстер меня заарестовал и заочно, без допроса, не сообщив мне даже, в чем я обвиняюсь, приговорил меня к 2 годам тюрьмы [1].

Дело считалось окончательно решенным. Но на мое счастье этим оригинальным судом сильно заинтересовался генерал-губернатор Князев [2] — человек справедливый, корректный и ненавидящий все, что отзывается жандармским крючкотворством и полицейским озорством. В порядке надзора он приговор отменил и приказал дело прекратить, а меня освободить из-под стражи. В частности, в инкриминируемой мне рукописи [3] ни Князев, ни прокурор палаты не нашли состава преступления.

А ведь приговор-то уже был вынесен!

Не правда ли, милый способ суда?

Впрочем, я-то лично ничего от этой истории не потерял. В тюрьме я все время работал и время провел превосходно. А вместе с тем получил случай расширить свои сведения о наших «судебных» порядках.

Но за письмо к Вам, глубокоуважаемый Алексей Максимович, я принялся не для того, чтоб рассказать Вам об этом забавном казусе. Имеется у меня и дело к Вам.

Из газет и из частных писем я узнал, будто проектируется издание в Москве большой прогрессивной газеты [4], во главе которой будете стоять Вы и Мякотин.

Верно ли это сообщение, или это одна из бесчисленных уток, которые постоянно летают вокруг Вашего имени?

Если это не утка и газета, о которой идут слухи, действительно будет выходить, я хотел бы принять в ней участие. Это было бы важно для меня и в смысле идейном (т. к. тяжело молчать в переживаемое время), и в смысле материальном (т. к. в силу ряда обстоятельств мои доходы и заработки в настоящее время не соответствуют даже моим более чем скромным потребностям).

Поэтому я просил бы Вас иметь меня в виду при постановке дела. Что касается до форм возможного моего участия в газете, то в этом вопросе придется исходить из планов издания. Но имейте в виду, что за эти годы я приобрел некоторое знакомство с Сибирью и с т⟨ак⟩ наз⟨ываемыми⟩ «сибирскими вопросами» (причем в оценке последних резко расхожусь с «областниками»). Впрочем, знатоком в этой области я не являюсь. А в прочих областях что могу я дать газете, Вам более или менее известно.

Все это — в случае, если разговоры о газете, которую Вы ставите, не лишены почвы.

А если все это — обычная утка, то довольствуюсь тем, что еще раз шлю привет Вам с пожеланием лучших времен, в наступление которых я твердо верю.

Этой веры, без которой кошмар нашей жизни стал бы невыносим, от души желаю и Вам.

Вл. Войтинский

Иркутск, Котельниковская ул., д. 1,
кв. доктора Виноградова

[1] Аресту Войтинского предшествовал обыск, во время которого были обнаружены «рукописи и брошюры явно преступного характера, восстанавливающие население против правительства и войны» (*ЦГАОР*, ф. ДП, 1915, 7-е д-во, д. 1921, л. 8). 132 статья Уголовного уложения предусматривала привлечение к ответственности («до трех лет крепости») за «дерзостное неуважение Верховной власти» и т. п. (Свод законов Российской империи. Т. XV. С. 502, 503—504). Войтинский находился в Иркутской тюрьме с 17 августа по 25 сентября 1915 г.

[2] Л. М. *Князев* — генерал-губернатор Иркутской губернии. Войтинский позже писал о нем: «В период господства позорной реакции такой человек не мог долго удержаться на высоком посту. Жандармы интриговали против него, обвиняя его в послаблениях политическим и евреям. И в конце концов они добились своего: Князева убрали и на его место прислали из Петербурга Пильца, ничтожного чиновника-карьериста» (*Войтинский Вл.* Годы побед и поражений. Кн. 2. С. 363).

[3] Речь идет о рукописи брошюры «Безработица и локауты» (СПб.: Прибой, 1914). В апреле 1916 г. брошюра была запрещена, а ее автор привлечен к судебной ответственности по 129 ст. Уголовного уложения (*ЦГАОР*, ф. ДП, 1916, 7-е д-во, д. 1651, л. 6).

[4] Действительно в прессе в это время появились сообщения об участии Горького в создании новой газеты: «В Москве гостил М. Горький, и при участии писателя состоялось совещание группы московских и петроградских общественных деятелей и литераторов по вопросу о создании в Москве новой газеты» (Изв. книжных магазинов Т-ва М. О. Вольф. 1915. № 11. С. 155).

8. ГОРЬКИЙ — ВОЙТИНСКОМУ

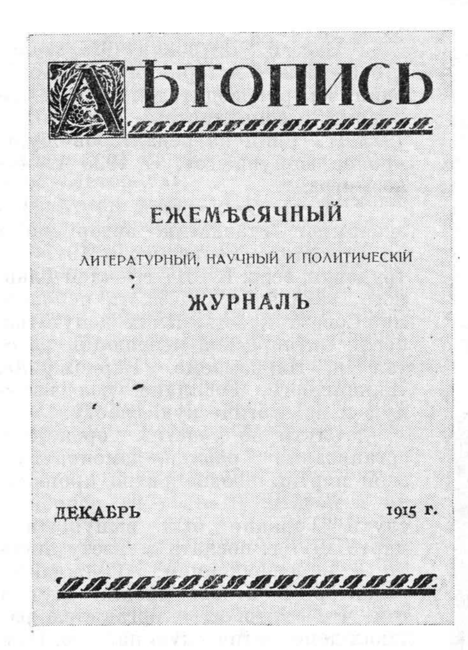
⟨Петроград. 18—19 ноября 1915 г.⟩

Уважаемый товарищ,

вследствие особых условий социального бытия нашего письмо, посланное Вами 2-го октября, получено мною лишь вчера, 17-го ноября.

Разумеется, слух о прогрессивной газете с Мякотиным и мною во главе — вздор. Точнее — вздор мое участие в таковой газете, но она — предполагалась. Организовать ее пытались н-эсы[1], беззаглавцы[2] и левые кадеты. Редактора: Пешехонов[3], Кускова, Мельгунов[4], заведующие отделами: Прокопович, Маслов, Огановский[5], Петрищев, Мякотин, кадет Тарасевич. Это — одна из попыток организовать демократический блок. Она уже ликвидирована вследствие внутреннего бессилия организаторов.

Но — возникает другая, вероятно, возникнет и третья; причиной таких опытов является сознание необходимости создать на Руси радикал-демократическую партию, которая бы обслуживала социально-политические интересы всей массы жителя, которому кадеты — обрыдли и который не пойдет с социалистами. Понимаете? Дело — законное, нужное, и до известной степени способствовать росту его — следует. Я немножно «способствую», отсюда и слухи о моей эволюции направо. Но, само собою ра-

ВОСПОМИНАНІЯ.

I.

Свѣтло-сѣрое съ голубымъ.

Сухой, холодный день осени. По двору тоскливо мечется пыльный, вѣтеръ, летаютъ крупныя перья, прыгаетъ комъ бѣлой бумаги; воздухъ наполненъ шорохомъ и свистомъ, а подъ окномъ моей комнаты торчитъ нищій и равнодушно тянетъ:

— Господи, Іисусе Христе, Сына Божію, поми-илуй насъ . . .

Лицо у него заржавѣло, стерто, съѣдено язвой, голый черепъ въ грязныхъ струпьяхъ; онъ очень подъ стать и грязному двору, и больному дню.

Вѣтеръ треплетъ его лохмотья, вздуваетъ пазуху, бьетъ его пылью по ржавой щекѣ, по уху. Нищій мотаетъ головою и гнусаво выводитъ, съ упорствомъ шарманки, унылый мотивъ:

— Благодѣтели и кормилицы, милостынку, Христа ради, подайте . . .

— Пошелъ къ чорту! — кричитъ изъ окна моя сосѣдка, дѣвица веселой жизни, маленькая, съ подведенными глазами и румянцемъ отъ ушей до зубовъ.

Нищій что-то урчитъ, вѣтеръ относитъ его слова, но я слышу мѣдный звонъ большой монеты, упавшей на камень двора, и сердитый голосъ дѣвицы:

— На, подавись, подлецъ! . .

Странно, — въ голосѣ ея звучитъ обида, хотя обижаетъ сама она. Я живу рядомъ съ нею третьи сутки и уже дважды слышалъ, какъ эта веселая дѣвушка днемъ поетъ трогательныя пѣсни, а по ночамъ плачетъ скучными, пьяными слезами.

Сегодня она пришла домой на разсвѣтѣ и тотчасъ разбудила меня возней, хриплыми рыданіями.

— Эй, сударыня! — крикнулъ я въ щель переборки между нею и мной. — Вы мнѣ мѣшаете спать . . .

Помолчавъ съ минуту, она снова стала всхлипывать и тру-

ОБЛОЖКА ЖУРНАЛА «ЛЕТОПИСЬ»
И СТРАНИЦА ЖУРНАЛА С «ВОСПОМИНАНИЯМИ» ГОРЬКОГО
1915, кн. 1 (декабрь)
Музей Горького, Москва

зумеется, что признавать необходимость бытия таковой р.-д. партии — одно дело, а входить в нее — другое[6]. На этом и покончим с рад. демократами.

Вы, вероятно, видели объявление об издании журнала «Летопись»? Вот дело, которым я занят[7]. Я просил Карахана[8], отправленного к Вам, предложить Вам сотрудничество в «Летописи». Первая книга выйдет в декабре[9], ознакомясь с нею, Вы, надеюсь, не откажетесь от сотрудничества. Дабы пояснить Вам платформу и программу Лет⟨описи⟩, скажу следующее: в наши дни мыслящая публика резко делится на интернационалистов и националистов. Эта линия деления проходит сквозь всю [классы] демократию, разъединяя и пролетариат. В то же время она крепко объединяет командующий класс — торгово-промышленный — под знаком национализма, это вполне естественно при наличии возможности грабить Русь как хочется и сколько угодно.

Журнал «Лет⟨опись⟩» будет вести группа интернационалистов. Вот пока все, что могу сказать, ибо распространяться — неудобно.

Книга жур⟨нала⟩ будет выслана Вам.

Сердечно желаю всего доброго, будьте здоровы.

А. Пешков

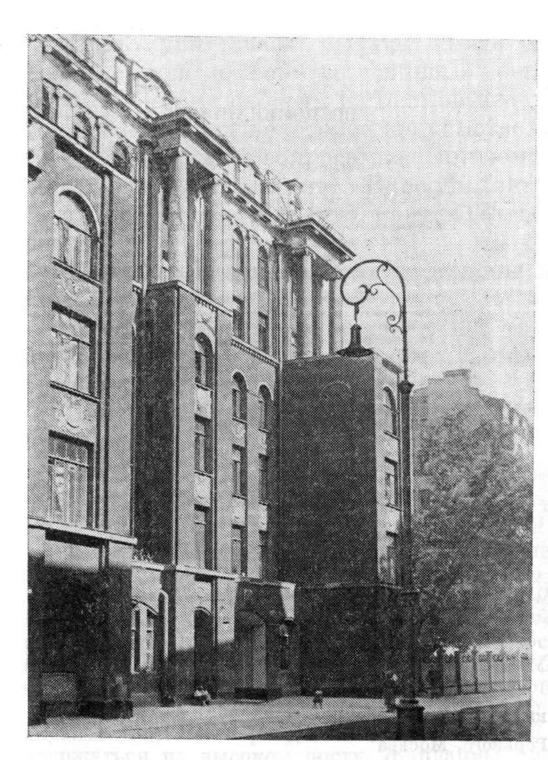
19.XI.15.
Ред⟨акция⟩ жур. «Летопись», Б.-Монетная, 18

Дата, поставленная Горьким, уточняется содержанием письма («вчера, 17-го ноября»).

[1] Члены партии народных социалистов (трудовой партии).

[2] Члены редакции и сотрудники журн. «Без заглавия», издававшегося в Петербурге в январе—мае 1906 г. Вышло 16 номеров. Орган группы буржуазно-либеральных интеллигентов, ранее примыкавших к «легальному марксизму» и «экономизму». В редакцию входили С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова, В. Я. Богучарский и др.

[3] Алексей Васильевич *Пешехонов* (1867—1933) — статистик, публицист, политический деятель. Сотрудник и член редакции журн. «Русское богатство». Один из основателей и лидеров партии народных социалистов. С мая по август 1917 г.— министр продовольствия Временного правительства. С 1922 г. в эмиграции.

ДОМ, ГДЕ РАСПОЛАГАЛАСЬ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ЛЕТОПИСЬ»
(Петроград, Б. Монетная, 18), 1915—1916
Фотография

Музей Горького, Москва

[4] Сергей Петрович *Мельгунов* (1879–1959) – историк и публицист, один из руководителей партии народных социалистов. В 1913–1923 гг.– один из редакторов журн. «Голос минувшего». С 1923 г.– белоэмигрант.

[5] Н. П. *Огановский* (1874–?) – экономист, статистик, автор работ по аграрному вопросу. До 1917 г.– трудовик, эсер. В 1917 г.– член Главного земельного комитета исполкома Совета крестьянских депутатов, после Октябрьской революции работал в Наркомземе, Наркомфине, Наркомторге, Госплане, вел научную и педагогическую работу.

[6] Слухи об участии Горького в организации радикал-демократической партии неоднократно проникали в печать. В ответ на подобные слухи Горький был вынужден в марте 1917 г. послать в газету письмо с опровержением: «Гражданин редактор! В печать проник слух о том, что будто бы я организую радикал-демократическую партию. Позвольте через посредство Вашей газеты заявить, что я остаюсь тем, чем был,– социал-демократом» (Русское слово. 1917. 17/30 марта). В ст. «О полемике» писатель разъяснял свою позицию по отношению к радикал-демократической партии: «Я принимал некоторое участие в работах организационного комитета этой партии, будучи уверен, что она необходима в России и должна всосать в себя всю – по возможности – массу людей, которая оставалась неорганизованной между кадетами справа и социалистами слева. Думать об организации такой партии я начал еще в 1910 году» (Новая жизнь. 1917. № 6. 25 апр./8 мая).

[7] С мая по октябрь 1915 г. Горький усиленно занимался организацией журн. «Летопись». Журнал издавался на материальной базе изд-ва «Парус». Имя Горького, действительного создателя «Летописи», из-за цензурных условий не упоминалось в разрешении на выпуск журнала. Официальным издателем был назван А. Н. Тихонов, по существу исполнявший организационно-технические обязанности, редактором был А. Т. Радзишевский (выступал в печати под псевдонимом Р. Арский).

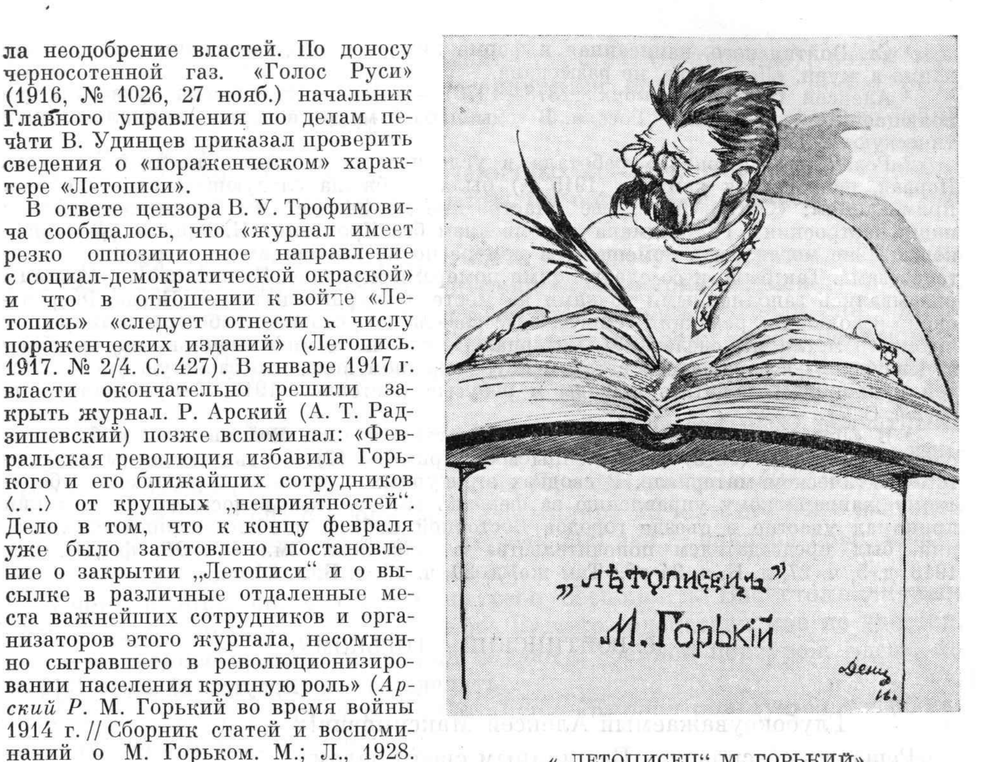
15 ноября 1915 г. в газ. «Русское слово» появилось первое объявление о подписке на новый журнал (№ 263). В нем указывалось, что журнал будет издаваться «при ближайшем участии М. Горького». Далее перечислялись писатели, обещавшие свое сотрудничество: Ив. Бунин, Ив. Вольнов, Е. Замятин, М. Пришвин, К. Тренев и др. В отделе искусства обещали участие А. Луначарский, В. Переверзев, В. Фриче, Б. Эйхенбаум и др., в отделе иностранной жизни — В. Волгин, М. Покровский, М. Павлович, В. Керженцев и др., в отделе внутреннего обозрения — Б. Авилов, Н. Суханов и др., в отделе науки и философии — К. Тимирязев, А. Богданов, В. Базаров и др.

Большинство авторов журнала принадлежало к различным течениям русской социал-демократии. Объединяла их интернациональная позиция, хотя придерживались они ее с разной степенью последовательности. Позицию журнала искажали статьи богдановско-сухановской группы. Именно эти писания имел в виду В. И. Ленин, когда писал о «Летописи» 14/27 октября 1916 г. А. Г. Шляпникову: «Богданов несет ⟨...⟩ ахинею в „Летописи" ⟨...⟩ Там какой-то архиподозрительный блок махистов и окистов. Гнусный блок!» (*В. И. Ленин*. Т. 49. С. 299—300). В целом позиция журнала по отношению к войне была такова, что с первого номера он находился под угрозой запрета. Еще до его выхода Горький признавал: «Есть возможность, что „Летопись" закроют с первой же книжки. Очень утешительно, не правда ли?» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 172). Несмотря на внешне спокойный, академический тон журнала, его антивоенная интернационалистская направленность вызывала неодобрение властей. По доносу черносотенной газ. «Голос Руси» (1916, № 1026, 27 нояб.) начальник Главного управления по делам печати В. Удинцев приказал проверить сведения о «пораженческом» характере «Летописи».

В ответе цензора В. У. Трофимовича сообщалось, что «журнал имеет резко оппозиционное направление с социал-демократической окраской» и что в отношении к войне «Летопись» «следует отнести к числу пораженческих изданий» (Летопись. 1917. № 2/4. С. 427). В январе 1917 г. власти окончательно решили закрыть журнал. Р. Арский (А. Т. Радзишевский) позже вспоминал: «Февральская революция избавила Горького и его ближайших сотрудников ⟨...⟩ от крупных „неприятностей". Дело в том, что к концу февраля уже было заготовлено постановление о закрытии „Летописи" и о высылке в различные отдаленные места важнейших сотрудников и организаторов этого журнала, несомненно сыгравшего в революционизировании населения крупную роль» (*Арский Р.* М. Горький во время войны 1914 г. // Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком. М.; Л., 1928. С. 293). «Летопись» выходила до декабря 1917 г.

[8] Лев Михайлович *Карахан* (Караханян) (1889–1937) – советский государственный деятель, дипломат. В 1915 г. был арестован за революционную деятельность и сослан в Иркутск. В дни Октябрьской революции был членом петроградского ВРК. После Октября – на государственной и дипломатической работе, полпред в Польше, в Китае, затем посол в Турции.

[9] Первый номер «Летописи» вышел 18 декабря 1915 г.

«„ЛЕТОПИСЕЦ" М. ГОРЬКИЙ»
Шарж Дени (бумага, акварель, тушь).
Петроград, 1916
Музей Горького, Москва

9. ГОРЬКИЙ — ВОЙТИНСКОМУ

⟨Петроград. 3 декабря 1915 г.⟩

Дорогой товарищ Владимир Савельевич!

Ваше «письмо» [1] прежде всего — не цензурно и не цензурно как раз в лучших его местах: там, где Вы характеризуете отношение сибиряков к военнопленным и портретам, где говорите о «государственной мудрости Бибиков [2] и Алексинских». Если же устранить эти места — письмо принимает вид легковесный, является разговорчиком без фактов, без идеи.

Вы не знаете современных цензурных условий; вот как они характеризованы на днях нашим *цензором*: «Такого положения никогда еще не было и едва ли оно может продлиться более двух-трех месяцев». У нас зарезано шесть статей из одной книги [3].

Условия требуют спокойного, академического тона. Предлагаем Вам написать *в этом тоне* статью на тему «отношение Сибири к Дальнему Востоку». Давайте цифры, факты,— идеи выжмет сам читатель, если захочет.

Давайте беллетристический или полубеллетристический очерк о беженцах, военнопленных [4],— судя по первому письму, материал у Вас есть.
Будьте здоровы и благополучны.

А. Пешков

Кронверкский просп., д. 23
3/12, 15

[1] Ст. Войтинского, написанная в форме письма и предназначенная для публикации в журн. «Летопись», не разыскана.

[2] Алексей Павлович *Бибик* (1878—1976) — писатель из рабочих, участник революционного движения в России. В годы первой мировой войны занимал «патриотическую» позицию.

[3] Редакция «Летописи» работала в условиях жесточайшей военной цензуры. Первая, декабрьская книжка (1915 г.) была снабжена следующим редакционным примечанием: «Статьи М. Лурье „Настроение на Западе", Н. Суханова „Война и наши настроения", Г. Хайдмана „Кромвелизм без Кромвеля", Н. Сергиева „Дела церковные" не могли быть помещены в номере по не зависящим от редакции обстоятельствам». Так было и со следующими номерами журнала. Иногда целые страницы оказывались заполненными точками на месте цензурных изъятий. После Февральской революции редакция смогла рассказать об условиях работы при царизме: «Немного могли мы сделать: 4/5 материала, даже чисто информационного, погибало в цензуре, 1/5 возвращалась в таком изуродованном виде, что зачастую вместо статей приходилось печатать шарады и ребусы» (Летопись. 1917. Февр.— март—апр. № 2/4. С. 7).

[4] В «Летописи» за 1916 г. были напечатаны две ст. Войтинского: «Областной сибирский съезд» (№ 5) и «Беженцы в Сибири» (№ 12). Статьи написаны на богатом фактическом материале. В сводках агентурных сведений по Иркутскому губернскому жандармскому управлению за февраль 1916 г. указывалось, что Войтинский принимал участие в съезде городов Восточной Сибири и общественных организаций, был председателем попечительства о беженцах. См.: *ЦГАОР*, ф. ДП, ОО, 1916, д. 5, ч. 27, л. Б, л. 34 об.; Там же, д. 20, ч. 27, л. Б, л. 24 об.

10. ВОЙТИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

〈Иркутск. 30 марта 1916 г.〉

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Решаюсь обеспокоить Вас личным своим делом.

В 1906—1907 г.г. я стоял во главе петербургского движения безработных и принимал ближайшее участие в руководстве Общественными работами, которые были открыты для безработных Городской думой [1].

Движение представлялось мне достойным внимания, и я описал историю его и ход петербургских Общественных работ в книге под заглавием:

«Хлеба и работы!

Из истории рабочего движения в Петербурге в 1906—1907 г.» [2]

Центр〈альный〉 Ком〈итет〉 с.-д. партии принял от меня рукопись этой книги для издания ее через кн〈игоиздатель〉ство «Звено» [3]. Но кн-ство было закрыто, я пошел на каторгу, и дело расстроилось. В настоящий момент издание этой книги, само собой разумеется, в высокой степени несвоевременно. Но вопросы о безработице, об Общественных работах и пр. вскоре встанут перед нами. И тогда матерьялы, собранные мною, будут представлять значительный интерес — не только исторический, но и практический, ибо петербургские Общественные работы являются самыми значительными в истории европейского рабочего движения работами для безработных, устроенными сообразно с их требованиями и желаниями.

Мне представлялось бы весьма желательным выпустить мою книгу теперь же, не дожидаясь конца войны. Большого успеха иметь она не будет, широкого распространения не получит, ни денег, ни славы автору не принесет. Но через больничные кассы и т. п. связи она попадет в руки практических деятелей рабочего движения и сослужит свою службу в предстоящей борьбе с безработицей. Т〈ак〉 ч〈то〉 моральный, политический успех книге, как мне кажется, обеспечен.

Я прошу Вас помочь мне устроить печатанье этой книги через кн-ство «Жизнь и знание» [4]. На гонорар за рукопись я, конечно, не претендую, т. к. предполагаю, что издание, на лучший конец, только окупит себя. Допускаю даже, что изд-ство признает для себя невыгодным печатать книгу за свой счет. В этом случае я предложил бы поделить расходы по изданию: 1/2 пусть примет на себя изд-ство, 1/2 я возьму на себя; а из выручки сперва будут покрыты расходы изд-ства (полностью), затем мои расходы; если же — паче чаяния — получится излишек, он может быть поделен пополам между изд-ством и мною. Думаю, что на такие условия изд-ство согласится.

Но беда в том, что у меня нет наличных средств, чтоб внести с самого начала в изд-ство. И тут мне пришлось бы обратиться к такой кредитной операции:

Я просил бы «Летопись» кредитовать мне требуемую сумму, как аванс под мои работы, которые будут помещены в журнале (между прочим, я не знаю, принята ли у Вас повесть моя «За жизнь!» [5]; если она принята, она одна покроет этот аванс). При печатании этих работ, ред〈акция〉 могла бы 1/2 гонорара списывать в погашение аванса, а 1/2 переводить мне.

Объем книги «Хлеба и работы!» — около 15 норм〈альных〉 печ〈атных〉 листов. Печатанье ее в 1000 экз. должно обойтись около 500 р. Цену книги можно было бы поставить 1 р. 50 коп. При скидке даже 40% комиссионных, изд-ство получит с проданного экземпляра 90 к., и его доля расходов (250 р.) будет покрыта продажей первых 300 экз.,— каковой сбыт можно считать во всяком случае обеспеченным.

Очень извиняюсь, что позволил себе беспокоить Вас столь личным своим делом. Но устроить это дело без Вашего содействия мне не удастся.

За последнее время у меня ряд неудач с военной цензурой. Здесь, на месте, тоже ничего не удается сделать.

О «Летописи» писал недавно Суханову. Журнал пользуется среди нашей публики большим успехом.

Летом собираюсь в Монголию [6]. Буду записывать то, что увижу,— в виде таких же очерков, как те, которые помещены в февральской книжке «Вестн〈ика〉 Европы» [7]. Если такие очерки интересны для «Летописи», буду отсылать их в ред〈акцию〉 прямо с дороги [8]. Они получатся тогда менее гладкие со стороны языка, но зато более свежие, более живые, чем картинки, напечатанные в «Вестн. Евр.».

Очень прошу Вас помочь мне в изд〈ании〉 книги, приняв на себя переговоры по изд〈анию〉 1) с изд-ством «Жизнь и знание», 2) с ред〈акцией〉 «Летописи» [9].

С искренним приветом и лучшими пожеланиями.

Вл. Войтинский

Иркутск, Котельниковская ул., д. 1
30 марта 1916 г.

[1] Позже Войтинский вспоминал: «В Петербурге началось движение безработных, образовался Совет безработных, поставивший своей задачей борьбу за городские общественные работы; движение увлекло и работающих, завязалась борьба петербургского пролетариата с Городской думой, и почти неожиданно эта борьба увенчалась победой,— были созданы столовые для безработных, а затем появились и работы. Это было крайне своеобразное движение, и в памяти участников его никогда не сотрутся картины борьбы за „хлеб и работы". Мне пришлось в течение двух лет принимать близкое участие в этом движении в качестве председателя Совета безработных 〈...〉 Благодаря работе в Совете безработных, у меня установились связи с рабочими во всех частях города, а вместе с тем и тесная связь с большевистским центром, который — главным образом в лице Ленина — с первых же дней заинтересовался движением безработных и помогал мне в проведении кампании даже тогда, когда Петербургский комитет колебался и, боясь „авантюры", вставлял нам палки в колеса» (*Войтинский Вл.* Годы побед и поражений, кн. 2. С. 19).

[2] Книгу с таким названием разыскать не удалось. Вероятно, в свет не выходила.

[3] Издательство, выпускавшее в 1907 г. серию социал-демократических легальных брошюр. Организатор издательства О. А. Ерманский вспоминал: «В 〈...〉 1907 г. из большевистских кругов мне было предложено организовать и редактировать серию агитационных легальных брошюр. Это было издательство „Звено", которое финансировал Кедров и делами которого орудовал Н. Клестов (Ангарский). Я охотно взялся за это дело: сорганизовал группу молодых литераторов социал-демократов, вы-

работал план целой библиотеки под общим названием „Книжки для всех“, и составление и печатание книжек пошло энергично. Но так же энергично стала работать полиция ⟨...⟩ — работать по части пресечения и вылавливания ⟨...⟩ В конце концов все-таки взяла верх полиция. Но штук восемь книжек все же вышло в свет» (*Ерманский О. А.* Из пережитого (1887—1921 гг.). М.; Л., 1927. С. 101).

[4] Легальное культурно-просветительное издательство, основанное в 1909 г. В. Д. Бонч-Бруевичем. Цель создания издательства — объединение большевистских литературных сил и предоставление им легальной трибуны в условиях реакции после разгрома первой русской революции. В основную серию книг — «Библиотеку обществоведения» — входили книги по философии, экономическим и социальным проблемам. Издательство выпустило 6 книг В. И. Ленина, закончило начатый изд-вом «Знание» выпуск первого собр. соч. М. Горького (т. 10—20). В 1918 г. изд-во «Жизнь и знание» слилось с партийными изд-вами «Волна» и «Прибой», образовав новое изд-во «Коммунист».

[5] В «Летописи» напечатана не была.

[6] Лето 1916 г. Войтинский провел в Аршане, недалеко от границы с Монголией, затем совершил путешествие на лодке по Ангаре.

[7] В февральской книге журн. «Вестник Европы» за 1916 г. были напечатаны 4 очерка Войтинского под общим названием «По Сибири»: «Абыгы-Джиэ», «Горная смола», «В глуши» и «Миссионеры». В них описывалось путешествие автора по Восточной Сибири, совершенное летом 1914 г.

[8] В журн. «Летопись» не печатались.

[9] Судя по следующему п. Войтинского, Горький откликнулся на его просьбу и о результатах переговоров об издании этой книги, вероятно, сообщил в п. Войтинскому. Однако это письмо разыскать не удалось.

11. ВОЙТИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

⟨Иркутск.⟩ 8 мая 1916 г.

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Посылаю в «Летопись» два рассказа из событий 1905 г.— «*На гребне волны*» и «*В деревне*» [1].

Это — результат радикальной переработки романа «Волны», рукопись которого была в свое время в ред⟨акции⟩ «Просвещения» [2]. Работая над II ч⟨астью⟩ романа, я убедился, что с первоначальным замыслом я не справлюсь, что дать исчерпывающую картину событий 1905 г. я не смогу. Но мне казалось, что отдельные эпизоды, отдельные части картины мне удались. Я и решил отказаться от слишком трудной для меня формы романа, а более удачные части его попытался переработать так, чтоб дать им самостоятельную жизнь.

В посылаемых рассказах — переработка 4 глав романа.

Очень был бы рад, если бы Вы написали мне отзыв об этой вещи. Но совестно затруднять Вас этой просьбой,— боюсь, что и без того затруднял Вас своими делами слишком часто и слишком бесцеремонно.

От «Летописи» мы здесь в восхищении,— особенно от Ваших сотрудников из правого лагеря (В. Темный [3] и «старец» [4]). Привлечение в журнал этих сотрудников — блестящая мысль. Сердечный привет им и искреннее истинно русское спасибо за правдивое слово! Но и помимо этого журнал приобретает здесь все больше горячих друзей.

С искренним уважением и приветом.

Вл. Войтинский

[1] В «Летописи» напечатаны не были.

[2] См. об этом подробно во вступ. ст.

[3] Под таким псевдонимом выступал философ и публицист, сотрудник и член редакции «Летописи» В. А. Руднев (другие его псевдонимы — В. Базаров, Седой, Василий Туляк и т. д.). Вероятно, в данном случае имеется в виду ст. В. Темного «Религия и государственность. (Письмо в редакцию)», напечатанная в № 3 журн. «Летопись» за 1916 г. Острие критики в статье было направлено против «оборонцев»: Плеханова и его единомышленников. Написана она была от имени человека религиозно настроенного, приверженца «правых» взглядов, и этот прием, этот эзопов язык позволили автору выразить свою антивоенную позицию без единого цензурного изъятия в статье.

[4] Видимо, речь идет об авторе «Письма в редакцию», напечатанного под заглавием «Нужны ли убеждения?» в первой книге «Летописи» (1915, дек.). Оно было направлено против шовинистских, социал-оборонческих взглядов Плеханова и его сторонников. Вопрос об авторстве до сих пор не прояснен, т. к. архив «Летописи» не разыскан. Оно было напечатано за подписью «Один из недоумевающих» и снабжено припиской, в которой автор всячески подчеркивал свой преклонный возраст человека, «одной ногой стоящего в могиле», и называл себя «стариком» (Указ. соч. С. 323). Несомненно, редакция прибегла к подобному «розыгрышу» в целях конспирации. Некоторые исследователи (А. И. Овчаренко, Т. И. Дубинская) считают, что «Письмо» было написано при активном участии самого Горького. Составлено оно с точки зрения человека почтенного, религиозного, истинного «патриота» своего отечества. Однако язвительная ирония и острая сатира, пронизывающие елейную речь патриархального «старца», достаточно ясно обнажали ошибочность и фальшь позиции Плеханова.

Мы выплачиваем сейчас гонорар в 25 р. за лист, уплатили Касаткину, вообще всем, кто к нам обращался. Но хотелось бы на этот счет все же условиться с Вами более подробно. Дело в том, что мы часто не знаем, нужно платить или нет за вещи, присланные через Вас. Например, Старку? И сколько? Может быть, Вы, присылая рукопись, могли бы нам попутно помечать, сколько и по какому адресу нужно высылать. Расценку за беллетристику, которая бы, по-вашему, могла бы иметь большой интерес для дела, можно было бы, пожалуй, несколько увеличить против нормы, когда автор на наших условиях (25 р. лист) не соглашается помещать ее в журнале. А как быть с поэтами? Мы приблизительно расценивали по 10—15 коп. строка (Семеновскому). Может быть, платить поштучно?

Сейчас многое, конечно, будет зависеть от подписочной кампании, если удастся собрать «фонд», думается, мы должны повысить гонорар за 40 рублей.

Относительно приложений поговорю с Тихон⟨овым⟩ [62], трудно только будет, пожалуй, дать беллетристич⟨еское⟩ приложение. Мы думаем дать в качестве такового избранную переписку К. Маркса с Энгельсом, которая теперь выходит под общей редакцией Рязанова [63].

На этих днях мы получили от Войтин⟨ского⟩ (тот, который печатал в «Русс⟨ком⟩ бог⟨атстве⟩» «Смертники» [64] и в последнее время о жизни каторжан — отмеч⟨ено⟩ было «Речью», «Нов⟨ым⟩ врем⟨енем⟩» даже (Розанов [65] и т. д.) большой роман в виде хроники из 1905 г. С приблизительным содержанием: Мюнхен, первые известия из России о 9-ом января. Герой романа бросает университет, приезжает в Россию, сцены из митинговой жизни в университете, работа в партии, 17 октября, работа в деревне...

Если роман подойдет, было бы очень важно начать его печатать раньше, поэтому мы пришлем Вам первую главу в наборе, а остальные отдадим переписать на машинке и очень бы просили не задерживать с ответом. Во всяком случае, если он пойдет, необходимо его чрезвычайно внимательно просмотреть с цензурной стороны...

В кн⟨иге⟩ № 9 поместим Ваш рассказ «Детство»; необходимы были бы также стихи — а их нет.

Мы посылали Вам ряд рукописей: 1) Из Тунгусской жизни [66], 2) Чердынцева «Гражданин Лев...» [67] и т. д. Какова их участь?

В последней, 9-ой книжке думаем поместить из небеллетристических вещей: Степанова — «Империализм» [68], «Письмо Энгельса» — прощание с читателями в последнем № «Соц.-дем.», издав⟨авшегося⟩ в Швейцарии во время закона о социалистах [69], статьи об аграрных мероприятиях [70], Шляпникова о хронометраже [71], о германском партейтаге [72] и целый ряд мелочей.

В Питере пока ничего особенно интересного. Судорожная борьба за газету [73]. Все же пока ничего поделать не могут. Тираж «Правды» упал до 30 тысяч — это верно, но зато усилились взносы (в среднем на № 160—180 р.), а кроме того, свыше 200 р. ежедневная продажа в типографии за наличные, так и оборачиваются, даже фонд не трогали. На этих днях предстоит рождение еще одного «собрата» — дешевого, еженедельного страхового журнальчика [74]. Издатель Малиновский [75]. Как слыхал, материальные дела московской газеты [76] тоже недурны, но зато «карантин» [77] там будет почище питерского.

Теплейший привет

М. С. (*АГ*)

Следующее (по сопоставлению фактов) письмо Савельева Горькому вновь красноречиво говорит о всесторонности связей редакции с писателем, об опоре на его рекомендации.

САВЕЛЬЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Петербург. Середина октября 1913 г.⟩ [78]

Дорогой друг!

Получил Ваше письмо. С романом «Волны» [79] вышла маленькая ерунда. Он послан был для «верности» с оказией. А вышло, как это и всегда бывает в таких случаях, как раз наоборот. «Наши друзья» [80] заинтересовались, захотели прочитать, да чуть было и не зачитали. Во всяком случае он теперь должен находиться у Вас. Автор ничего не имеет против переделок и сокращений. Да без сокращений его нельзя было бы поместить уже из-за цензурных соображений. Первая глава этого романа у нас на всякий случай уже набрана, и вот, если Вы принципиально выскажетесь за принятие романа и ничего не будете иметь против помещения первой главы так, как она есть, то мы ее тогда пустим в ближайшем №.

В настоящее время здесь опять выплыл на сцену кружок рабочих литераторов [81], кое с кем из них встречаюсь. Они все время носятся с мыслью получить доступ к литературе, а то печататься им почти совсем негде. Озлоблены на «интеллигенцию» — так наз⟨ываемую⟩, и на разного рода издателей: страшно «затирают», не дают «хода» и т. д.,— вот как приблизительно относятся даже к нашим изданиям. Носятся они с мыслью издавать литературный журнал.— Но вещь эта весьма хитрая, для постановки такого журнальчика нужны и силы и средства. Одно время они довольно усиленно присылали свои стихотворения в «Просвещ⟨ение⟩»; я пересылал Вам их, получал с пометкой, что «слабо», «не подходит» и т. д., да и верно — вещи слабые, но что же делать? Как поощрить? У меня мелькала мысль создать что-нибудь вроде приложения к журналу, давать время от времени один лист для начинающих рабочих беллетристов. Правда, если их выделять из других, получается как-то обидно: что же в журнале проводится какое-то деление на черную и белую кость. Но они лично на это пошли бы охотно, лишь бы иметь возможность доступа к читателю.

Может быть, Вы могли бы со своей стороны что-нибудь выдумать, хотелось бы им помочь, я охотно могу вступить с ними в более тесное общение...

При этом письме прилагаю вырезку двух резолюций, которые были присланы на ред⟨акцию⟩ «За правду», возможно, что вызовут они и еще целый ряд... [82] К этой книжке не успели, а в следующей поместим ст⟨атью⟩ Каменева о задач⟨ах⟩ театра и отношении к литераторам из «Биржевки», которую он обещал написать [83].

Привет *⟨АГ⟩*

Обсуждение с Горьким вопроса о помощи кружку рабочих беллетристов, группирующихся вокруг большевистских изданий,— факт показательный для работы редакции «Просвещение». Марксистское издание на деле выступало собирателем творческих сил демократии, самого левого ее крыла — пролетарского.

Поэтические произведения печатаются в журнале постоянно, круг авторов все время расширяется.

Почти из номера в номер в журнале появляются басни Д. Бедного. Его басни — это острые политические сатиры. Пролетарский баснописец клеймит весь аппарат дворянско-буржуазной власти России как преступный в отношении к народу («Воры», «Свеча», «Ослы», «Молитва», «Портрет»). Каждая из басен Бедного прочитывалась в острозлободневном аспекте. Так, в «Свече» подразумевался обман народа манифестом 17 октября 1905 г.: вместо обещанной, как говорится в басне, «стопудовой свечи» — конституции, народу достался жалкий копеечный огарок. За публикацию басни № 2 журнала за 1913 г. был конфискован. В басне «Урожай» Бедный разоблачал эксплуатацию народа церковью: произведение появилось в мо-

[65] В июльском номере «Русского богатства» за 1913 г. появился очерк В. С. Войтинского о революционной ссылке — «Призраки». Он вызвал полемику. «Новое время» напечатало 13/26 августа ст. В. Розанова «Литературные олеографии» (№ 13441), где делалась попытка опровергнуть высокую оценку Войтинским сосланных и приговоренных к смерти революционеров. Розанову возражал в «Речи» (15/28 авг., № 221) Д. Левин. Он рассматривал «Призраки» как мемуары, где нет выдумки, но изображаемое согрето лирическим чувством: это и делает их «песнопением». «Новое время» ответило на статью «Речи» заметкой в рубрике «Среди газет и журналов» (16/29 авг., № 13444), защищая Розанова от «радикальных „гусей“». За этим последовала полемическая заметка Д. Левина «Набросок» (Речь. 24 авг./6 сент. № 230). Позицию Войтинского критик подкреплял «очной ставкой», как он писал, с книгой генерала А. В. Жиркевича «Пасынки военной службы. Материалы к истории мест заключения военного ведомства».

[66] Характер отклика Горького не установлен.

[67] Переписку Горького с Н. А. Чердынцевым (Топазовым) за 1910—1913 гг. см. в *АГ*. Его очерк «Портные» напечатан в «Сборнике пролетарских писателей» (СПб.: Прибой, 1914). См. также: *Горьк. чт.* 1959. С. 46.

[68] Упомянутая ст. И. И. Скворцова-Степанова печаталась в № 9 и 10.

[69] Имеется в виду «Прощальное письмо читателям газеты „Sozialdemokrat“» Ф. Энгельса, напечатанное в газ. «Der Sozialdemokrat» (1890, № 39, 27 сент.) в связи с прекращением выхода газеты (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 81—84). Под заглавием «Прощание с любимой газетой» было напечатано в № 9 журн. «Просвещение» за 1913 г.

[70] Такие статьи в № 9 не печатались.

[71] На указанную тему в № 9 напечатана ст. Н. Скрыпника «Теория и практика руководителей московского Союза потребительских обществ».

[72] В № 9 напечатана ст. «О германском ревизионизме. (По поводу Иенского конгресса германских социал-демократов)».

[73] Речь идет о конфискациях и цензурных преследованиях газеты «Правда».

[74] Имеется в виду организация легального большевистского журн. «Вопросы страхования». Начал выходить в Петербурге с 26 октября/8 ноября 1913 г. еженедельно по 12/25 июля 1914 г., а потом с 20 февраля/5 марта 1915 г. по март 1918 г. В годы войны — единственный легальный большевистский журнал. В нем принимали участие Ленин, Куйбышев, Сталин, большевистские депутаты IV Государственной думы, рядовые рабочие. В № 10 «Просвещения» сообщалось о подписке на «Вопросы страхования», его задачах, выходе № 1 и 2.

[75] Роман Вацлавович *Малиновский* (1876—1918). В 1912—1914 гг.— член ЦК РСДРП, депутат IV Государственной думы социал-демократической фракции. В 1917 г. разоблачен как провокатор. Уже в 1907 г. он добровольно давал сведения полиции, а в 1910 г. был зачислен секретным агентом царской охранки.

[76] Имеется в виду московская рабочая газ. «Наш путь», выходившая с 25 августа/7 сентября 1913 г. В сборе средств на нее принимал участие Горький. Газета пользовалась большой популярностью среди рабочих. 395 рабочих групп поддерживали ее своими денежными средствами. Газета подвергалась непрерывным преследованиям со стороны полиции и 12/25 сентября была закрыта. Московские рабочие ответили на это забастовкой, но возобновить газету не удалось.

[77] Т. е. цензура.

[78] Датируется по сопоставлению с п. В. И. Ленина Горькому от начала ноября н. с. 1913 г., в котором говорится о пересылке ему рукописи Войтинского (*В. И. Ленин.* Т. 48. С. 224), а также по упоминанию откликов на статью писателя об инсценировке «Бесов» Достоевского. Письмо в кратком изложении см.: *ЛЖТ*. Вып. 2. С. 383.

[79] Речь идет о рукописи В. С. Войтинского. См. в предыдущем п. Савельева, а также дальше в сообщении. См. также: Г—Войт (предисловие).

[80] Речь идет о членах заграничной редакции «Просвещения».

[81] Литературный кружок при народном доме Паниной. См. о нем: *Брейтбург С. М.* Горький — редактор сборника пролетарских писателей // Книга: Исследования и материалы. Сб. X. М., 1965. В 1913 — начале 1914 г. кружок издал две небольшие книжки стихов «Наши песни» (вторая была конфискована). Члены кружка стали участниками и первого «Сборника пролетарских писателей», организаторами и редакторами которого были Горький и А. Н. Тихонов.

[82] Имеются в виду отклики на статьи Горького о постановке «Бесов» в Художественном театре. В газ. «За правду» по этому поводу появилась ст. А. Витимского (М. С. Ольминского) «Поход против Горького» (1913, 4 окт.).

[83] Такой статьи в «Просвещении» не появилось.

[84] См. отзывы рабочих в ст. «Наша анкета» (Просвещение. 1914. № 3. С. 108).

[85] О месте творчества Д. Бедного в становлении пролетарского искусства подробно говорится во многих исследованиях. Среди них: *Келдыш В. А.* Проблемы дооктябрьской пролетарской литературы: Горький и русская революционная поэзия. М., 1964.

[86] *ЦГАЛИ*, ф. 1374, оп. 2, ед. хр. 1.